

Алексей Аксёнов

Не в своём уме

Сборник рассказов

16+

Алексей Иванович Аксёнов
Не в своём уме.
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44000642

SelfPub; 2019

Аннотация

В будущем все мы станем старше и мудрее, пусть и начнём ворчать на молодёжь, которая слушает не ту музыку, надевает на себя что попало и полностью игнорирует советы старших. Так случилось у всех поколений, мы не будем в этом первыми. Но у нас всё равно найдутся поводы для удивления, потому что новые технологии сделают мир лучше и совершеннее. Или, возможно, окончательно сломают его. В сборник включены фантастические рассказы о будущем и реалистичные – о прошлом.

Содержание

Хорошие новости	53
Звонок	66
Не в своём уме	97
Высшая справедливость	142
Телохраниитель курильщика	164
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Тяжёлый рок

Алексей недоволен, очень сильно недоволен. Он ходит из угла в угол, прислушиваясь к противному хрипу со сцены, заполняющему пространство, сжимает кулаки и старается глубоко дышать, чтобы не выйти посреди выступления, не схватить этого идиота за невымытые волосы прямо перед зрителями и не переломать его шею об колено. Хочется крови и курить. Но крови хочется больше.

– А сейчас новая псня, – пьяный голос плюётся в фонащийся микрофон, кажется, Юра всё–таки смог продержаться первые пятнадцать минут концерта и не заснуть где–нибудь за барабанами. – Для мммо–ик! дрызней... – Удар, всхлипы, недовольные крики из зала. Опять упал! Алексей останавливается, слушает, но не идёт поднимать певца на ноги, гитаристы взрослые, справятся сами. – Н–настаили тут барахла!

– Мы не за это дерьмо платили! – кричит кто–то из зрителей, и толпа одобрительно гудит. – Какого хрена ты бухой?

Вот, сейчас начнётся по старому сценарию. Чёрт, чёрт!!! Алексей бежит к выходу на сцену, чтобы перехватить этот пьяный праведный гнев, которому только и нужен повод, чтобы завершить концерт и пойти пить дальше.

– Да кто вы тыкие? – орёт Юра в ответ, переходя к своей любимой теме. – Что вы поимаете? Кто–то из вас может сделать что–то же такое же, как и я? А? Ты можешь? Ты? Нет? Н–Н–НЕТ! Вы по–поробители! Вы не знаете, каково это, вам

только осуждать! – он даже начинает связно говорить, хотя не падает только благодаря микрофонной стойке, за которую схватился обеими руками. Рваный звук летит из колонок в свистящий зал. – Да пошли вы все на хер!

Юра толкает стойку, пытается ударить её ногой, но только падает ещё раз. Что–то летит из зала на сцену, кто–то не пожалел кроссовок, а потом не пожалел и второй.

– На хер, на хер, – кричит он и не может подняться, несколько раз заваливается набок, пока наконец не становится на четвереньки. Гитаристы отстранённо смотрят на эту картину, не пытаясь помочь, барабанщик вовсе достал сигарету и собирается закурить. Господи, вот уроды!

Алексей выбегает на сцену и поднимает микрофон.

– Я приношу извинения за это недоразумение, – он говорит громко, но, кажется, никому нет дела до его слов, толпа недовольна, – через минуту всё уладим, прошу вас подождать.

Он ставит Юру на ноги, аккуратно обнимает, хватая его за футболку и тянет за кулисы, грозя кулаком барабанщику. Тот убирает сигарету в пачку.

– Пусти! Отпусти! – Юра вырывается, но Алексей сильнее. За кулисами он ослабляет хватку, берёт приготовленную заранее бутылку воды и таблетки. До концерта уговорить Юру не удалось, до концерта он рок–звезда, он бог, а боги не принимают лекарства. Они только лишь хлещут виски и потом какают с облаков радугой. Ну или блюют со сцены в зал, то-

же божественное занятие.

– На, ешь, – он суёт таблетки Юре. Вряд ли они чем–то помогут, но поставить капельницу сейчас не удастся, хотя врачи и сидят наготове. Они всегда наготове, этот дурак рано или поздно попытается сдохнуть.

– Не надо, – Юра бьёт по руке, и таблетки рассыпаются по полу, – я не буду петь для этих! Сами они дерьмо, они...

Тут же от пощёчины Юра падает на пол, и Алексей снова поднимает его за футболку вверх. Какие–то зеваки суют отовсюду свои любопытные головы, но сейчас не до них.

– Ты что, сука, творишь? – они почти упираются носами друг в друга, от Юры воняет. – У тебя что, до хрена денег? Очнись! Ещё несколько таких концертов, и ты будешь ездить не на Хаммере! Нет! Ты будешь спать под теплотрассой с бомжами и бездомными собаками! За сколько недель ты пропьёшь всё, что у тебя осталось? Будешь в переходах петь, чтобы насобирать на пузырьёк из аптеки? Так там не виски налито!

– Да пышёл ты! – Юра ничего не понял из этой речи, слова в таком состоянии бесполезны, поэтому Алексей хорошенько встряхивает его, стараясь сделать больно.

– Иди и спой им ещё несколько песен! – он на секунду отпускает Юру, поднимает пару валяющихся рядом таблеток и с силой запихивает их в рот горе–звезде, не давая выплюнуть, а потом суёт ему бутылку, – на, запей.

Тот хнычет, пытаясь отвернуться, но зажатые крепкой ру-

кой Алексея челюсти остаются неподвижны. Вода льётся из бутылки в горло, разлетаясь вверх фонтанами на отрывистых выдохах. Напоследок Алексей набирает воды в ладонь и плещет Юре в лицо.

– Ты уволен, ты на хрен уволен, – освободившись, тот пытается уйти от сцены подальше, но Алексей разворачивает его и тянет в нужном направлении.

– Уволен, уволен, но сейчас иди и пой! – он по пути опять сильно трясёт Юру, этот способ, как он знает по опыту, работает лучше слов.

– Я сам пойду! – тот вырывается, пошатываясь и тряся мокрыми волосами, выходит на сцену и берёт в руки микрофон, – мы проолжаем! Ещё несколько песен для моих друзей!

Треть народа уже не выдержала и ушла в поисках занятия поинтереснее. Оставшиеся – то ли мазохисты, то ли реально любят этого идиота за прошлые заслуги, а, может быть, просто снимают на телефон это позорище, чтобы выложить всё в сеть на потеху миру – смотрите, смотрите, бывшая рок-звезда в таком свинском виде! Он такой же, как мы. Как будто не все на свете такие как мы, как будто таких роликов и без них мало в Интернете.

– Вы чего уставились? – Алексей оборачивается к зевакам, всё ещё ждущим хоть какого-нибудь скандала, и те в смущении разбегаются как тараканы при включённой лампочке. Они бы тоже снимали на телефоны, но всё же побаи-

ваются.

Со сцены доносится песня, Юра всё–таки собрался, но поёт ужасно, промахивается мимо нот, да и с памятью на свои собственные стихи у него тоже не всё в порядке. Надолго его не хватит.

Алексей опять ходит, сжимая кулаки и ненавидя всё на свете. Ну почему, почему всё заканчивается так быстро? Иностранные рокеры ведь точно такие же – пьют, нюхают, колются, снимают одинаковые клипы в подвалах, на свалках и руинах, словно рок зачахнет, если на заднем плане не будет облезать штукатурка с кладбищенской оградки. И они поют по 20 лет, по 30, каждый день подтверждая свою скандальную репутацию алкоголиков и развратников. И люди восхищаются даже этим, как будто алкоголизм или гомосексуальные связи требуют таких невероятных трудозатрат, которые доступны только избранным.

А главное – почему они живы? Где берут силы, чтобы сочинять и петь дальше? Нельзя пить 30 лет и не потерять интерес ко всему, кроме возможности догнаться. И не надо сказочек, что современная медицина защищает проспиртованные тела и мозги рокеров лучше, чем ангелы–хранители! Нет! Пьянство и наркомания певцов – это такой же маркетинг, как и впаривание залежалых пылесосов. Никто не купит рок, если его исполнитель не окутан полумистической завесой из

кокса, водки и сумасшедших поступков. Но надо знать грань, надо отличать маркетинг от жизни, иначе ты действительно повесишься на суку ближайшего дуба, просто позабыв, что пить надо только ради публики и начав делать это для себя, для души. Юра забыл, он вообще всё забыл, деградируя со второй космической скоростью.

Всего шесть лет назад его ждали в каждом городе, в любом клубе, парке и в телевизоре. Его песни играли из любой машины от Мерседеса до насквозь ржавой вишнёвой девятки, это действительно был успех. И у Юры действительно был талант, который он благополучно выдул с бесконечными косяками и который залил пивом, опохмеляясь с утра в развороченных номерах отелей.

– Я просто расту, и моя музыка стала другой, мои слова изменились, потому что я стал мудрее, – он часто любит рассказывать это Алексею, когда ещё не совсем пьян, – если ты не меняешься, наступает стагнация, увядание, регресс. Нельзя сочинять всю жизнь одно и то же, это показывает твою несостоятельность в творчестве. Ты же не трудовик, который всю жизнь стругает одну табуретку. Он умрёт, и на его могиле поставят памятник в форме этой табуретки, потому что ничего больше в его жизни и не было. Нет, ну ещё напишут про скорбь и прочую дребедень, но это просто из вежливости. А у меня – ещё пойди подбери, что поставить и что написать...

На неподготовленного слушателя это действует. Смотри-

те, смотрите, на самом деле этот певец – умный парень, давайте любить его и дальше. Вот только Алексей знает цену этому уму. Юра оратор, шоумен, когда не валяется пьяным на полу, этого у него не отнять, вот только говорить он может лишь о природе своей гениальности, объясняя в первую очередь себе, почему он больше никому не нужен со своими песнями. Его слова давно превратились в бесконечный повторяющийся монолог, словно он фанатик, пытающийся обратить тебя в свою веру.

Ну да, слава проходящая, это всем известно. Всё проходит, смирись и найди своё место в жизни! Даже хрен с тобой, держись за свои новые тексты и музыку, расти вместе с ними, только ищи других слушателей. Ты же не удивляешься, что в пятьдесят лет тебя не любят молоденькие студентки, как тридцать лет назад. Потому что ты, мать твою, вырос, ты стал охрененно мудрым для них, а им этой мудрости и даром не надо. Зато ты можешь потрясти перед ними своим толстым кошельком, у этого предмета всегда есть поклонники. Со слушателями так не получится, это они трясут перед тобой купюрами, и в их глазах горит вопрос: «Когда же ты будешь таким, как раньше?». А ты уже навсегда не тот.

– Знаете, у следующей песни есть история, – Юра немного ожил, но это пройдёт. Ещё пару песен, и он выключится. Но сейчас зал затих, они все на несколько секунд снова любят его. Как это происходит, как? Только что они швыряли в него кроссовками, и вот уже разинули рты, готовые под-

певать и тянуть вверх руки с телефонами. Если бы Юра не пил, группа до сих пор собирала бы стадионы, и Алексею не пришлось бы думать, где найти денег. Но вот сейчас магия рассеется, потому что Юра всё равно пьян, он договорит и запоёт, плохо запоёт.

Но пока он рассказывает свою историю, все молчат и на-верняка даже сомневаются, а не стоит ли любить этого парня и дальше? Ничего, после концерта они дружно выложат в соцсети фотки и видео с концерта, чтобы похвастаться своим осуждением.

Играет песня, и Юра почти справляется с ней, сбиваясь лишь ближе к концу. Но следующая уже не даётся ему, он заплетается, раздражая зал, а с финальными аккордами просто садится на сцену и сидит, глядя неизвестно куда.

– На этом всё, – говорит он, – дальше кина не будет. Идите вы все домой.

Алексей знает, что на этот раз действительно всё, и теперь Юру можно трясти хоть всю ночь, петь он больше не будет, только пить. Он выходит на сцену, снова подбирает микрофон, снова извиняется перед ничего не слышащей публикой и снова тащит певца за кулисы, но в этот раз уже не говорит ему ничего и не трясёт, это бесполезно.

Он доводит Юру до «гримёрки», оставляет там, а сам уходит. Он не может больше смотреть на пропитую рожу, потерявшую человеческий вид, и боится, что сам когда-нибудь придушит эту рок-звезду. Гитаристы с барабанщиком поки-

дали своё барахло на сцене и идут курить.

– А ну назад, и грузите инструменты! – Алексей останавливает их и отправляет обратно. Те нехотя разворачиваются и отправляются за техникой, всем видом давая понять, что они не грузчики. Но молчат. Да и хрен с ними! Они тоже временные, долго не продержаться, никто не держится долго рядом с Юрой.

Через полчаса, погрузив всю технику, отпустив врачей и немного остыв, Алексей возвращается за Юрой и находит его спящим в кресле.

– Поехали! – он трясёт его за плечо.

– Куда? – тот открывает глаза и смотрит подозрительно, словно боится, что его сейчас снова заставят выступать.

– В гостиницу, куда ещё?

Юра кивает, поднимается и идёт к выходу, почти не шатаясь. То ли он притворялся умирающим на сцене, то ли его действительно отпустило. На выходе дежурят несколько сумасшедших поклонниц, и он улыбается им, призывно размахивая руками. Алексей смотрит на всё это уже без удивления. Прошло время, когда он пытался объяснить себе, что именно заставляет людей ждать Юру после концертов. Когда он был звездой, не требовалось искать причины. Но почему он кому-то нужен до сих пор? Да, его нынешние поклонницы уже не того юного возраста, как тогда, на пике славы. Раньше приходилось напрягаться, чтобы не увезти с собой какую-нибудь малолетку, сейчас эта проблема отпала пол-

ностью, самой молодой в немногочисленной толпе лет тридцать пять. От какого отчаяния они лезут к Юре? Нет, конечно, пусть продолжают, скоро, кроме них, никто не станет покупать билеты на его концерты. Просто почему они тоже не вырастут, ну?

– Для кого, говоришь, подписать? – слышится голос Юры, включившего своё обаяние, чтобы впечатлить этих дур. – Для Юли? Замечательное имя, моё любимое.

Стоящий в стороне Алексей не мешает и не торопит. Вот эти десять минут славы – всё, что осталось Юре от бывшей любви, единственное время, когда он не пытается найти свою бутылку. Потом все расходятся, кроме каких-то двух баб, которые грузятся в Хаммер вместе с певцом. Водитель трогается.

Алексей забирается в свою машину и едет вслед за габаритными огнями джипа. Хаммеры вышли из моды уже давно, даже раньше, чем сам Юра. Да и не должен рок-музыкант ездить на таких авто. Москвич – вот машина для рок-звезды. Чтобы всегда был шанс умереть под каким-нибудь автобусом, уйдя в вечность непобеждённым. А Хаммер – это для школьников.

На входе в гостиницу Юра пропускает внутрь своих новых подружек и оборачивается к идущему следом Алексею.

– Я серьёзно, с сегодняшнего дня ты уволен, – говорит он и тычет пальцем Алексею в грудь. Он всё ещё сильно пьян, вблизи это ощущается. – Ты стал злым, я не люблю злых лю-

дей. Эта работа не для тебя.

Он не ждёт ответа, а просто заходит внутрь. Он всё сказал, на весь оставшийся вечер он главный. Да и пусть. Алексея он увольнял уже столько раз, что и не сосчитать. Но как же это всё надоело!

Алексей спускается вниз по ступенькам, решая, что стоит зайти куда-нибудь и выпить, слишком долгим был этот вечер. Он проходит пару кварталов в поисках открытого бара, пока наконец не решает, что это отвратительная идея. Нет, ну в самом деле – столько ругаться на пьяницу, чтобы потом самому пойти и напиться? Спать, надо идти спать.

С утра он долго стучит в дверь соседнего номера, пока ему не открывает одна из вчерашних девиц. Он толкает двери, пытаясь зайти, но девица упирается, не желая его впускать.

– Ты кто такой? – шипит она, хватаясь за ручку.

– Отвали! – Алексей посильнее нажимает на дверь плечом и заваливается внутрь.

Девица, оказавшаяся голой, отскакивает подальше, без стыда смотрит на него, даже не пытаясь прикрыться. Алексей идёт внутрь номера, где на диване перед телевизором лежит вторая подружка, тоже без одежды.

– Где Юра? – громко говорит он, остановившись в центре.

– Там, – вяло машет она рукой куда-то в сторону второй комнаты.

– Так, девочки, собирайтесь и на выход, – он смотрит на них по очереди и показывает на дверь.

– А ты тут не хозяин, – первая всё ещё недовольна, – и не надо нам тут указывать!

– Конечно не хозяин. Но если через пару минут вы ещё будете тут, то я вызову охрану и попрошу выкинуть вас на улицу гольшом, – врёт Алексей, – пошли вон!

Он идёт в соседнюю комнату, не слушая их ругани, там на кровати, уткнувшись лицом в подушку, лежит Юра, полностью одетый. Почему тогда бабы голые? Чем они тут втроём вчера занимались? Хотя ему уже давно интересно – а вечно молодой и пьяный Юра в принципе способен на что-то в постели, или он каждый раз водит к себе баб просто по привычке? Но это вопрос без ответа, потому что невозможно спросить такое у другого мужика. Да и не поверишь ты ему, если он скажет, что всё в порядке.

Рядом с кроватью валяется пустая бутылка, мало ему было на концерте. Алексей долго тормозит Юру, но тот отворачивается и глубже зарывается в подушку.

– Пива принеси, – он наконец открывает глаза, хватается за голову и лежит без движения, уставившись в потолок.

– Вставай, по дороге купим. Нам уезжать через час.

– Я никуда не поеду. Принеси пива.

– Сам принеси, оно же тебе нужно.

– Лёш, иди на хрен, – Юра морщится от боли, но говорит беззлобно, – я буду спать. И без пива до завтра не просплюсь.

Алексей идёт к телефону, находит номер и прайс из ресторана. Цены здесь зверские, давно стоило бы выбирать гостиницы подешевле, но рок–боги не считают денег, деньги – всего лишь пыль. Он набирает номер, просит банку пива.

– Две, – подсказывает Юра с кровати.

Через пять минут он уже заливает в себя почти целую банку, делает вдох, допивает, открывает вторую и падает на подушку со словами:

– Всё, до вечера!

Алексей стоит, в который раз сжимая кулаки. Он кипит от злости, но трясти и таскать за собой Юру, когда тот не пьян в хлам, он не станет. Потому что ему страшно. И он не может объяснить сам себе, откуда этот страх. Он выходит из номера, забрав с собой ключ и идёт к себе. По дороге достаёт мобильник, набирает ещё один номер и долго слушает гудки.

– Я же сказал, не звони сюда! – голос в трубке тоже не в духе.

– А куда звонить? У тебя ведь другого номера нету!

– Никуда не звони. Приходи, тогда и поговорим.

– Я с ума сойду, пока до тебя доберусь. Ты мне просто скажи, у вас получилось или нет? Мне больше от тебя ничего не надо. Есть надежда?

– Есть. Расскажу, когда придёшь. И не звони на этот номер! – психует голос и исчезает.

Ну уже что–то. Может быть, всё получится, и жизнь снова станет прекрасна. Вот только как уговорить Юру на такое?

Ладно, всему своё время.

Он спускается вниз, чтобы оплатить номер ещё на сутки. Оставшийся день он сидит в номере у Юры, уставившись в телевизор, на экране которого светятся российские поп-певцы, ничуть не изменившиеся с восьмидесятых. Это тоже феномен. Пока рокеры спиваются, умирают или просто исчезают в забвении, эти вот персонажи спокойно живут себе, паразитируя на былой славе. Неужели их не трогает то, что они не растут и не меняются? Или у них настолько крепкая психика? Но ведь невозможно смотреть на этих мужиков, которые на шестом, а то и на седьмом десятке поют песни про любовь, словно хотят нравиться тринадцатилетним девочкам! Неужели никому не стыдно сочинять для них такое, одевать их в нелепые блестящие костюмы и выставлять на посмешище? Это разве шоу? Эти наигранные жесты, выкрученные в максимум цвета и отвратительные натянутые улыбки? Бессодержательные песни под три повторяющиеся ноты? Суки, почему вы не бухаете до смерти после всего этого?

Вечером он поднимает Юру, вытаскивает пожрать в кафе подешевле, а потом сажает в Хаммер к водителю. К, мать его, водителю! Которому нужно платить зарплату за то, что он днями сидит в салоне под кондиционером и смотрит кино в ноутбуке, пока двигатель пережёвывает бесчисленные литры топлива. Конечно—конечно, мы можем себе это позволить!

Они плетутся в вечерних пробках, перебравшихся сюда из столицы, выезжают на загородную трассу и устремляются

домой, вслед за уехавшими ещё с утра гитаристами.

Нужный дом Алексей находит не сразу, хотя уже был здесь, но сейчас темно, и он катается по дворам, сопровождаемый нудными указаниями навигатора, уверенного, что он знает всё об этой планете. Наконец паркуется как попало, потому что места здесь нет, идёт к открытому настежь подъезду, поднимается на третий этаж и звонит в дверь.

– Кто там? – спрашивают у него из-за двери.

– Это Алексей, – говорит он и улыбается на тот случай, если за ним наблюдают в глазок. Идиотская привычка выглядеть добропорядочным.

Щёлкает замок, и Николай появляется в дверном проёме.

– А ты кто? – из-за его ноги высовывает голову ребёнок и смотрит вверх на незнакомца.

– Сынок, иди к себе, поиграй, – Николай легонько отталкивает мальчика и открывает дверь пошире, – заходи.

Они идут на кухню, где Николай сразу же закуривает.

– Пока жены нету, – говорит он, трясая сигаретой в раскрытом окне.

– Ну так что, хорошие новости? – спрашивает Алексей, которому неинтересны причины курения собеседника. – Или как?

– Я не знаю, чего именно ты хочешь, вдруг ты не обрадуешься, – Николай любит туманные фразы, которые можно

воспринимать как угодно.

– Коля, ты можешь нормально говорить? Получилось или нет?

– Получилось.

– То есть ты сможешь сделать, что обещал?

– Теоретически – да.

– Коля, мне не надо теоретически! Мне очень хочется практически!

– Ну и практически тоже могу. Скорее всего.

– Сколько это будет стоить?

– Вот по поводу цены – это как раз главная проблема. Начальство уже ищет покупателей, пока военные не успели всё забрать. Я думаю, в ближайшие дни технологию продадут, установку у нас заберут, поэтому надо бы побыстрее.

– Ну так сколько денег?

– Да тут понимаешь что? Это же не моя установка. Надо людям заплатить, чтобы дали попользоваться. И ещё двоих врачей нужно, я один не справлюсь. Им тоже надо заплатить, они так не работают. А ещё...

– Я понял, понял! Всем надо заплатить. Сумму назови, – Алексей раздражён этим неумелым заходом издалека.

Николай называет.

– Сколько–сколько?!

– Ну а что ты хотел? Да, много, но это же не мне. Я что? Я бы по–дружески помог, но всем же заплати. Установку вывезти надо, не у нас же это делать. У нас нельзя. А потом об-

ратно привезти, а это машина, охранникам надо дать, чтобы пропустили.

– Да это же совсем до хрена! Где я столько возьму?

– Ну я откуда знаю? Я думал, у тебя деньги есть, – Николай смотрит куда-то в окно, избегая взгляда собеседника. – Ну или вот, помнишь, мы в прошлый раз у тебя в квартире были? Хорошая у тебя квартира. Ты перепиши её на меня, на этом и сочтёмся.

– Ты вообще в своём уме? И как ты моей квартирой с охранниками и врачами расплатишься?

– Да мы разберёмся. Договоримся.

Алексей делает выдох, соображает, где бы взять столько денег.

– А подешевле нельзя? – спрашивает он.

– Не, там всем надо дать, начальство тоже просто так не будет...

– Ладно, я подумаю, – перебивает его Алексей. – Сколько у меня времени?

– Ну так-то недели две, не больше. Продадут же всё, технология нужная, сам понимаешь. И дорогая конечно. Иностранцы купят, если военные не отберут. А ты вообще с этим своим говорил? Он сам-то согласен? Без его согласия ничего делать не буду. И это... Второго сами ищите, мне его взять негде.

Через пять минут Алексей снова в одиночестве катит по городу. Квартиру отдавать жалко, пять огромных комнат в

прекрасном месте. Столько работал ради неё! Но если всё получится – купит себе новую. А если нет? Уедет к родителям в захолустье продавать ворованные телефоны? Ну тоже ведь работа. Хотя, чего думать раньше времени, ведь с Юрой он ещё не обсуждал этот вопрос. Неизвестно, что скажет тот.

Держась за руль одной рукой, Алексей набирает номер Юры.

– Алло, – судя по голосу, тот ещё во вменяемом состоянии.

– Привет, ты дома? Есть, что обсудить.

– Заезжай, обсудим.

Он едет дальше, размышляя об аргументах, которые надо привести Юре, чтобы тот согласился. А сам бы он согласился на такое? Вот просто так, с ходу – вряд ли. Или даже точно нет? Но поговорить надо, возможно, это единственный шанс.

Они сидят посреди творческого беспорядка, который «вдохновляет». Ну или вдохновлял когда-то раньше, потому что нынешние тексты никому, кроме самого Юры, не нравятся.

– Будешь? – он поднимает бутылку виски и пустой стакан, это хороший знак. Пока Юра пьёт из стакана, он ещё достаточно трезв, чтобы понимать человеческую речь.

– Нет, не хочу, – отказывается Алексей. Он так и не придумал, с чего начать этот разговор, поэтому пауза затягива-

ется.

– Ну, о чём хотел поговорить? – Юра наливает себе и делает большой глоток.

– В общем... Ты в курсе, что с деньгами у нас не очень? Концертов почти нет, песни кое–как продаются, да и те только старые. Надо что–то менять.

– Сколько можно про это? Ну что ты опять за старое? – машет стаканом Юра и ходит, расталкивая ногами свой творческий беспорядок. – Деньги–деньги! Тебя, кроме них, вообще что–нибудь интересует?

– А ты посмотри на свой дом! – Алексей злиться. – Большой, красивый, ну только что грязный в последнее время. Был бы он у тебя, если бы меня деньги не интересовали? Хрена! Так и сидел бы в своей общаге до сих пор, бренчал песни тараканам на кухне. Да всё, что у тебя есть, благодаря мне куплено! Не надо меня деньгами попрекать!

– Остынь, Лёша! Это всё просто внешний антураж, какая разница, где бренчать? Если ты талантлив, то тебе неважно место. Или думаешь, что меня любят за этот дом, за машину, за деньги? Приходят на концерт узнать, сколько я зарабатываю? Нет, не за этим.

– На какой концерт? Ты сколько дал этих концертов за последний год? Тебе нечем скоро будет за газ и воду платить!

– Ну что ты от меня–то хочешь? Я что, виноват, что народ ни хрена не понимает? Я только и слышу это нытьё – раньше было лучше, раньше было лучше. Да не было лучше! Они

просто хотят, чтобы ничего не менялось. Мои тексты вышли на другой уровень, на нём думать надо, а думать сейчас никто не хочет! Настанет и их черёд, я тебе говорю. Как вот этому, – он поднимает стакан, держит, а потом опрокидывает в рот остатки виски, со стуком ставит его на стол, – но будет поздно. Некому будет сочинять.

– И что, будешь ждать, когда помрёшь и тебя снова полюбят? – Алексей даже не спорит по поводу новых текстов, они плохие, но дело ведь совершенно не в них. – Нет, я не спорю, тогда тебе на самом деле будет хорошо. Многих признают только после смерти, особенно рокеров, особенно прославившихся при жизни. Тебя, думаю, долго ещё будут помнить. Даже с новыми текстами.

– Да хрен им! – Юра показывает средний палец куда-то в потолок. – Я всем назло проживу сто лет!

Это сильное заявление для человека, ежедневно медленно убивающего себя.

– Знаешь, а было бы интересно посмотреть, как все бросят тебя вспоминать и любить, – Алексей неестественно смеётся, – я бы посмотрел на то, как ты становишься легендой после смерти.

– На что это ты намекаешь? А то я чего-то не понимаю. Ты хочешь, чтобы я умер?

– Нет конечно! Ты что? Просто теоретически представь – разве ты сам не хотел бы увидеть, как тобой восхищаются после смерти? Особенно после самоубийства или передози-

ровки там. Естественная смерть ведь никого не интересуется.

– Лёша, что ты несёшь? – голос Юры начинает плавать, надо поторопиться, пока он ещё в себе. – Посмотреть на что-то после смерти, охрененно придумал!

– Ну а если бы можно было посмотреть, ты бы согласился?

– На что согласился? – Юра всё ещё ничего не понимает.

– Умереть, – подсказывает Алексей, – ты бы согласился умереть, если бы можно было остаться дальше жить и наблюдать, как до всех доходит смысл твоих песен?

– Я понял, ты сошёл с ума, – смеётся Юра, но вдруг резко замолкает, – или ты так пытаешься мне что-то сказать?

– Да я тут познакомился с человеком, – Алексей делает вид, что сомневается, стоит ли рассказывать дальше, – в общем, он работает в одном институте...

– И он открыл, как убить человека, но не совсем, а так, чуть-чуть? – Юра опять начинает смеяться, падает на стул и тянется к бутылке.

– Подожди, – Алексей хватается за руку, – дай сначала расскажу. Они недавно нашли способ поменять местами сознания двоих людей.

– Да это же хрень какая-то, – пытающийся вырваться певец наконец сдаётся и отпускает бутылку, – ну ладно, он идиот, ты зачем это повторяешь? И даже если бы такое было в принципе возможно, мне с этого какой толк?

– А что, думаешь, нету выгоды? Смотри, перемещаем твоё сознание в другое тело, а ты умираешь. Ну, в смысле, твоё

старое тело умирает, не ты. От передозировки, скажем. На этом можно заработать столько денег, что до старости будем жить без концертов и песен. Об этом ты не думал?

– То есть ты всё–таки хочешь, чтобы я умер?

– Да не хочу я, не хочу! Юра, я хочу, чтобы всё изменилось. Я не хочу больше кланяться всем, пытаюсь организовать твои концерты! Ты понимаешь, что мне постоянно отказывают? Даже сраные мелкие клубы не хотят, чтобы ты у них выступал. Сейчас ты никому не нужен! Ты можешь это понять? Вспомни, сколько народу пришло на последний концерт! И сколько осталось к его концу!

– А где взять другое тело? – мысли в голове у Юры, кажется, перемешались в случайном порядке.

– Не знаю, я об этом не думал, – прерывается Алексей и сам садится рядом на край залитого чем–то стула, – сначала нужно, чтобы ты согласился, всё остальное решим по ходу.

– Я даже не могу придумать, что тебе сказать, – Юра говорит с какой–то грустью, он вообще сегодня не похож на себя обычного, – ты почему–то подумал только про себя, про деньги. Хотя... Ты же всегда такой. А что я буду делать в чужом теле? Меня же никто не знает, и сам я никто. Ни концертов, ничего.

– Ты же сам только что говорил, что твой дом – это просто антураж. А твоё тело – не антураж? Какая тебе разница, в чём теле писать стихи и петь? Пиши в новом, твори. Таланту ведь не важно это, он везде пробьётся! А я тебе помогу.

– Но ведь другой человек – это буду не я. Лёша, если скопировать моё сознание в чужую голову, то получусь не я, это будет копия. А я ведь так и останусь в этом теле, вы меня сотрёте и запишете кого–то другого. И всё, я умру на самом деле. Вы просто придумали способ сделать копию, а не перенести сознание.

– Да это не мы придумали, это они, я вообще здесь ни при чём. И вопрос вот этот я самым первым задал, они говорят, что всё не так, сам с ними можешь поговорить, я мало чего понял. Но ты допускаешь вообще такой вариант? – спрашивает Алексей с надеждой.

– Я вообще никогда не думал, что такое возможно, – Юра опять тянется к бутылке, и в этот раз никто ему не мешает, – но, если честно, я и вправду устал. Знаешь, я иногда на самом деле думаю, что самоубийство – не такой плохой выход. Я больше не могу делать то, чего от меня все ждут, мне хочется другого. А меня только и осуждают за это. Даже ты осуждаешь. Думаешь, я не вижу, как ты на меня смотришь, будто готов убить. Я, может быть, и пьяница, но я же не дурак. И я знаю, что однажды я не выдержу, это просто вопрос времени. Но вот твоё предложение... Новый опыт, новая жизнь, наверное, это даже прекрасно в некотором роде...

– Это согласие? Ты хочешь попробовать?

– Да, наверное, да. Но пусть сначала они расскажут, что у них за метод, – он отпивает большой глоток прямо из бу-

тылки, – я не хочу стать копией.

– Думаю, они не будут против, – кивает головой Алексей, пока внутри его головы сверкают победные салюты. Он не думал, что всё получится так просто. Он вообще не знал, что именно произойдёт, он не учился уговаривать людей умирать. – Ладно, я пока поеду, а ты поразмышляй. С утра вернусь. Не пей ничего пожалуйста завтра, нужно будет заверить твоё завещание, мы его готовили на такой случай, уж извини за это. Да и вообще, надо многое обсудить.

Юра согласно кивает, и Алексей уходит. Он долго сидит в машине, не решаясь отъехать. Никто ещё в этом мире не был в подобной ситуации, хотя все читали что-то подобное в книжках и даже видели в кино. Хорошо, когда твоя жизнь подчиняется сценарию, тебе не нужно волноваться. Но что будет на самом деле? Это тот случай, когда научиться можно только на собственном опыте, поисковики не найдут в Интернете форум для поменявшихся телами. Но что-то надо делать в любом случае.

С утра он звонит Юре и напоминает, что пить нельзя. Тот обещает, но его обещания стоят недорого. Потом едет к Николаю, купив ему по дороге дешёвый телефон с неизвестно на кого оформленной сим-картой, и сообщает, что решение принято.

– Ну, может, я тогда сразу уже буду переезжать в новую

квартиру? – спрашивает тот.

– Она пока ещё не твоя! – удивляется Алексей такой наглости. – И вообще, почему ты в неё собрался переезжать? Разве она не для всех, кого ты там мне перечислял?

– Мы потом разберёмся. Я просто хочу быть уверен, что ты не сдашь назад. Ну так что, переезжаю, пока ты документы оформляешь?

– А мне где жить?

– Да сними номер в гостинице. Или квартиру. Хочешь, я тебе пока свою вот эту сдам, недорого? А?

Алексей не хочет. Он со злостью суёт ключи в ладонь Николаю, который быстро убирает их в карман. Ну и тип! Может, и не стоило с ним знакомиться? И хер с ним, с тяжёлым роком! Если бы не эти чёртовы деньги, которых всегда мало, прямо сейчас развернулся бы и ушёл. Но не уходит. Алексей любит красиво жить, любит славу рок-звезды, часть которой перепала и ему, и он очень хочет, чтобы всё было как прежде, потому что раньше было лучше.

– Инструкцию напиши для нас, чтобы мы знали, что делать, – говорит он на прощание и вручает Николаю телефон, – вот тебе номер, на который я буду звонить. Задолбался я к тебе ездить.

Юра трезв, это агрегатное состояние его организма наблюдать в природе можно лишь изредка, и Алексей боится, что певец передумал. Когда ты пьян и расстроен, может ты и хочешь прыгать с крыши или вешаться, но утренняя голов-

ная боль возвращает тебя к жизни, пусть ты и твердишь про себя, что неплохо было бы сдохнуть.

– Ты вчера вот это всё на полном серьёзе говорил? – спрашивает Юра, даже не здороваясь. – Или ты издевался надо мной?

– И тебе привет! – говорит Алексей, остановившись на пороге. – А было похоже, что я издеваюсь? Давай внутри поговорим.

– Это на самом деле возможно? – Юра пропускает гостя и идёт за ним в комнату.

– Обещают, что возможно. А что, сегодня тебя это пугает?

– Кое–что пугает. Я тут подумал ночью про обмен сознаниями. Даже если мы найдём кого–то, кто согласится, то он ведь получит моё тело. И, убивая это тело, мы всё–таки убьём человека. Или я опять что–то неправильно понял.

– Всё ты понял правильно, – Алексей останавливается посреди комнаты и смотрит Юре в глаза, – но ты ведь столько раз сам говорил мне, что люди – всего лишь толпа потребителей, бесчувственная и тупая. Ну так выдерни из этой толпы кого–то, неужели тебе будет его жалко? Они всем миром уже несколько лет смешивают тебя с грязью и даже наслаждаются этим. С твоей стороны это будет даже не месть, это всего один человек, ничего не значащий, ничего из себя не представляющий. Никто даже не заметит, что он изменился и стал тобой.

– Но это же убийство! Прямо настоящее убийство! Они

же меня убить не хотят, просто насмежаются, для них это...

– Они смотрят, как ты медленно умираешь, Юра, и никто не собирается тебе помогать, – Алексею очень хочется донести свою мысль, он начинает махать руками и ходить по комнате, – если они такие все добрые, то почему просто стоят над тобой с камерами в руках? Думаешь, они ждут, когда ты встанешь и spoёшь? Нет! Они ждут твоей смерти, потому что для них она – главное зрелище! А потом уже можно любить тебя, как раньше. Всё именно так устроено.

– Да я не о том! Ты сможешь убить человека? – Юра хватается Алексея и останавливает его. – Ты же понимаешь, что нам придётся убить человека в конце концов? Даже если мы наймём кого-то сделать это, всё равно виноваты будем только мы с тобой! Ты сможешь с этим жить?

– Не знаю. Но и жить так, как сейчас, я тоже не смогу. Давай попробуем, ты же постоянно поёшь про бунт против системы. Чем это не бунт? Сможем – значит сможем, а иначе просто скажем себе, что мы окончательные неудачники.

– И когда мы это скажем? После того, как я поменяюсь с кем-то сознанием? А ничего, что по закону моё тело будет владеть и моим домом, и моими песнями? Тело, а не сознание!

– Ну тогда поменяем вас обратно, Юра! К чему эта паника? Давай не будем решать проблемы, которых пока нет, хорошо?

– Ладно, давай, – тот немного успокаивается, пытается

сесть, но тут же вскакивает, – а где найти этого другого человека? Мы же не будем никого похищать?

– Я уже думал об этом, похищать – это плохая идея, у меня есть другая. Ты любишь таскаться по барам, потому что любишь, когда тебя там кто-то узнаёт и угощает, – Алексей смотрит на кислую рожу рок-звезды, – ну скажи ещё, что это не так! Вот в следующий раз познакомишься с кем-нибудь и пригласишь к себе.

– Мужика? Я познакомлюсь в баре с каким-то мужиком и приглашу его к себе? Лёша, я всегда знакомился только с женщинами!

– Да-да, но пил-то ты за любой счёт, не разбираясь, кто именно за тебя платит. Когда твою выпивку оплачивали мужики, тебя ничего не смущало? Вот разок пусть тебя не смутит и мужик, которого ты подцепил в баре. Или думаешь, что это подорвёт твою репутацию? Так не беспокойся, с ней уже ничего не случится, даже если ты приведёшь домой осла.

– То есть, вся ответственность за выбор человека будет на мне? Чтобы тебе жилось спокойно, потому что ты в этом не участвовал?

– Хватит, Юра! Я сам предложил это! Я уже участвую. Поэтому давай прекратим выяснять, кто из нас больше виноват. Вместо этого давай выберем дату и займёмся твоим завещанием. И кстати, можно я у тебя поживу несколько дней?

Алексей недоволен, всё на свете происходит не так, как должно. Человеку подарен разум, и кажется, что это благо, это логично. Но мало кто хочет пользоваться таким подарком, предпочитая конверт с деньгами на день рождения. Николай продал подаренный телефон и выкинул сим-карту. Это не человек, это какая-то квинтэссенция высокоинтеллектуального идиотизма.

– На хрена они мне были нужны? – спрашивает он у Алексея, которому пришлось ехать на свою бывшую квартиру, когда на следующий день он в очередной раз услышал в трубке о недоступности абонента. – У меня уже есть телефон, зачем мне второй?

– Потому что ты меня просил не звонить на свой номер! – Алексей пытается не закричать. – Я тебе специально купил другой, вместе с телефоном! Ты мог его хотя бы просто вернуть?

– Я думал, это подарок, – Николай падает на диван в гостиной и вытягивает ноги. Никаких вещей из его старой квартиры здесь не заметно, видимо под переездом он подразумевал перемещение исключительно самого себя. – Тебе что, телефона жалко?

– Мне времени жалко. Ты инструкцию написал?

– Зачем тебе инструкция? Я всё прекрасно расскажу, там просто.

Не так Алексей представлял учёных. Все его контакты с этими высшими умами свелись к издевательствам над

школьными отличниками. Кто же знал, что из тихих и слабых детей вырастают вот такие Коли! Даже алкоголик Юра теперь кажется очень хорошим человеком.

– Когда мы можем приступать? – спрашивает Алексей. – Нужно побыстрее, пока он согласен.

– Так это не от меня зависит. Как только документы на квартиру получу, так приступим. Хоть сегодня.

– Завтра будут тебе документы. Приезжай с установкой к пяти часам, адрес ты знаешь. И не опаздывай, иначе я начну звонить на твой номер.

– А ты быстрый, – Коля уважительно кивает головой, – молодец. Ну завтра, так завтра.

Конечно Николай опаздывает, появляясь только в половине шестого. Алексей в беспокойстве звонит ему, но теперь недоступен и его обычный номер. Юра, трезвый уже третий день подряд, сидит молча и смотрит на матерящегося друга с надеждой в глазах. Непонятно, на что именно он надеется – что Коля просто опаздывает, или на то, что он может вовсе не приехать.

Но Коля приезжает. Вместе с ним в микроавтобусе оказываются двое мужиков, которые выгружают установку и закатывают её в одну из спален, пока Коля даёт указания. Алексей ходит за этой троицей и злобно шипит, но это не производит ни на кого впечатления.

– Что ты такой нудный? – Коля отодвигает его в сторону, чтобы воткнуть в розетку провод. – Ну опоздали мы немного, ты пробки посмотри.

Теперь установка стоит рядом с кроватью, мигая крохотным экраном. Да и сама она маленькая, Алексей ожидал чего-то более внушительного.

– И это всё? – озвучивает его мысли Юра. – Вот это и больше ничего?

– А вы чего ждали? – спрашивает Николай. – Ядерный реактор?

– Нет, просто думал, что будет больше, – пожимает Юра плечами, – ну и как это работает? Вы обещали сначала рассказать.

– Да всё очень просто. Слышали про клиническую смерть?

Все согласно кивают, хотя разговоры про смерть сразу же портят всем настроение.

– Хорошо, – продолжает Николай, – во время клинической смерти многие видят туннель и свет в конце него, словно это какой-то выход. Если подключить к этому аппарату двоих людей и вызвать их клиническую смерть, то два их туннеля окажутся рядом друг с другом. Им останется только добежать до края, зажмуриться перед светом, на ощупь найти край соседнего туннеля, перебраться из одного в другой и вернуться в начало. Только сначала надо определить, слева туннель или справа, иначе можно упасть. Всё. Снова за-

пускаем сердца, и вы поменялись. Никаких копий, никаких ошибок, вы всё делаете сами, аппарат лишь совмещает туннели. Очень просто! Только действовать надо быстро, минуты за две–три.

– Подожди, ты собираешься остановить моё сердце? – удивляется Юрий. – А если потом ты не сможешь меня откачать?

– Не волнуйся, аппарат сам всё сделает, – успокаивает его Николай, – ну и на всякий случай с нами двое врачей, – он кивает головой на прислонившихся к косяку мужиков, которые всё же больше похожи на грузчиков, – так что риск минимальный. Но он есть, да. А что вы хотели?

– Подожди, но вы же уже делали это? – вмешивается Алексей, который видит, что Юра задумался. – Всё ведь нормально было?

– Да! – трясёт головой Николай. – Всегда всё отлично.

– Слышишь? Всё было отлично, – Алексей тормозит задумавшегося певца, – ну что ты расклеился? Я понимаю, что страшно. Но всё будет хорошо! Слышишь?

– То есть после смерти что–то есть? – Юра смотрит на Николая. – Раз уж точно есть туннель и свет в конце.

– Наверное, есть, – отвечает тот, – ты, главное, из туннеля не выходи, обратно не вернёшься. Осторожнее на краю, и глаза закрой покрепче, на свет лучше не смотреть лишний раз.

– Ладно, – Юра решается, – ладно. Я попробую. Готовьте

этот агрегат, я поеду искать человека.

Он надевает куртку, хватает ключи от машины и выходит из дома. Через минуту Хаммер выкатывается из гаража и с рёвом уносится в сторону города.

– Какого ещё человека он поехал искать? – Николай отходит от окна и смотрит на Алексея. – У нас времени мало.

– Какого надо человека, – злится Алексей, – а времени за такие деньги у вас должно хватить. Мне кажется, я купил достаточно этого вашего времени.

Николай косится на «врачей», подвигается поближе и шепчет:

– Я ведь могу просто взять и уехать.

– Ну так давай, уезжай, – Алексей отходит, открывая дорогу к двери, но Николай не двигается с места, видимо, он тоже любит красивую жизнь в чужих квартирах. Мужики с непониманием переглядываются в ожидании, чем всё закончится, но ничего не происходит. – Нет? Не уезжаешь? Тогда давай тихо и мирно подождём, пока он вернётся. Вот тебе для поднятия настроения.

Он протягивает документы на квартиру, Николай забирает их и успокаивается. Все рассаживаются по комнате в ожидании, Алексей гасит свет.

– Чтобы казалось, что дома никого нет, – говорит он, нащупывает в темноте кровать и садится на неё.

Они молча ждут в темноте, время идёт, и кто-то начинает тихонько похрапывать.

– А вот если человек много пил, в чужом теле он тоже будет это делать? – нарушает тишину Алексей. – Или может бросить?

– Не знаю, – силуэт Николая, сидящего рядом, пожимает плечами. – У тебя будет возможность проверить.

– А талант? – не сдаётся Алексей. – Если человек талантлив, то он останется таким после обмена?

– Да что ты привязался? – огрызается Николай. – Откуда я знаю, каким он будет? Вот кто это всё придумал, у того и спрашивай!

– Так это не ты придумал?

– Я же тебе сказал – это не моя установка. Если бы я её придумал, уже миллиардером был бы. О, смотри, кто-то едет.

Они подбегают к окну. С дороги сворачивает Хаммер и паркуется у входа. Двигатель замолкает, хлопают двери и снизу доносятся голоса.

– Я чего-то не понял, – шепчет Николай Алексею в ухо, – вы что, с бабой решили поменяться?

Алексей и сам не понимает ничего. Один голос ему знаком, а вот второй действительно принадлежит женщине. Неужели Юра наплевал на всё и просто снял себе кого-то на ночь? Он точно пропил последний мозг, там уже нечем меняться с другим человеком! Желание сломать его шею об колено вновь переполняет Алексея. Он отходит от окна и прижимается ухом к двери в попытке узнать, что происходит на

первом этаже.

Там хлопает дверь, раздаётся смех, а потом включается музыка. Разговора отсюда не слышно, поэтому Алексей оставляет дверь в покое и медленно бродит по комнате, стараясь не вырвать с головы последние волосы. Через полчаса дверь открывается, кто-то заходит в комнату и включает свет.

– Всё готово! – на пороге стоит Юра. Он слегка покачивается и смотрит вокруг пьяным взглядом. И в таком виде он ехал на машине. – Я ей налил этого твоего вина, она выпила и спит. Можем приступать!

– Какая, на хрен, она?! – Алексей подбегает и хватается за Юру за бессменную футболку. – Ты кого привёл? Я же сказал тебе, что надо сделать! Неужели так трудно было выполнить всего одно указание?!

– Да отцепись ты! – толкается Юра. – Ты предлагал скуку какую-то. Если что-то менять, то менять всё и сразу. Я должен попробовать что-то новое. А что ты предложил нового?

– Я предложил новую жизнь! Этого что, мало?

– Мало! Вот мало! Что мне твоя новая жизнь? Чем она будет отличаться от старой? – Юра хватается за ручку двери, чтобы не раскачиваться. – Тот же дом, те же люди, та же машина. Даже если и другая, и люди другие, всё равно одно и то же изо дня в день! Надоело! Всё надоело, я хочу ощутить что-то новое!

Алексей стоит с раскрытым ртом, не веря тому, что слы-

шит.

– Ты можешь поменять его с этой бабой? – наконец поворачивается он к Николаю.

– Да мне без разницы, с кем угодно могу, – тот кивает мужикам, – тащите её сюда.

Через пять минут она лежит на кровати рядом с аппаратом, а мужики прикрепляют к ней провода. Молодая девушка лет двадцати, симпатичная, непонятно даже, что она смогла рассмотреть в стареющем певце, которого, скорее всего, даже не знает. Юра шатается по комнате и продолжает свой монолог о назревших переменах.

– Иди ложись, – зовёт его Николай, Юра, не прекращая говорить, ложится рядом, – всё, помолчи. Помнишь, что делать?

– Дойти до края, закрыть глаза, нащупать соседний туннель и перелезть.

– Лучше не дойти, а добежать, времени у тебя будет мало. И не забудь сначала определить, с какой стороны туннель. Если упадёшь, обратно уже никак.

– Подожди, а она? – спрашивает Алексей. – Можно, чтобы она никуда не перелезала? Пусть просто идёт к свету, да и всё. Так можно?

– Она и не знает, что можно перелезть, – Николай смотрит на него с удивлением, – она же спит! Мы ей ничего не говорили.

– То есть она умрёт по-настоящему? – Юра пытается

сесть, но мужики, крепящие к нему провода, ловят его на полпути. – Ну что вы молчите, по–настоящему или нет? – никто не спешит отвечать, думая, что некоторые вопросы не надо задавать. Потому что ответы на них известны заранее. – Ну и ладно. Это ради благого дела!

– Так, успокоились. Готовы? – Николай смотрит на лежащих на кровати, но кивает только Юра. – Тогда до новой встречи!

«Врачи» накрывают им головы какими–то странными масками, Николай что–то жмёт на мониторе, а Алексей просто замирает на месте, крепко закусив зубами сжатый кулак правой руки.

Издалека действительно льётся свет, он ощущается даже сквозь закрытые веки. Юра открывает глаза и осматривается. Он лежит в грязном каменном туннеле, больше похожем на пещеру первобытных людей, не хватает только костра и наскальной живописи. Эта пещера, кажется, необитаема.

Юра вскакивает на ноги, вспоминая, что нужно торопиться, и бросается бежать навстречу свету. Он абсолютно трезв, хотя совсем недавно довольно много выпил. Он бежит, перепрыгивая через камни и слушая, как стучит в груди сердце, не привыкшее к таким нагрузкам. Почему оно вообще работает после смерти? Дыхание сбивается, и Юра начинает задыхаться. Устать, оказывается, можно и здесь, стоило ли

вообще тогда умирать?

Когда от яркого света глаза почти перестают различать пол под ногами, он останавливается, зажмуривается и продолжает двигаться вдоль левой стены наощупь. Почувствовав край, Юра ногой осторожно пытается найти пол соседнего туннеля, но там лишь пустота, теперь надо проверить справа. Он становится на четвереньки, аккуратно передвигается до противоположной стены и рукой нащупывает туннель с другой стороны. Есть!

Он встаёт, переносит ногу за стену, крепко хватается руками за выступы и перескакивает в чужой туннель. Отойдя от края, он снова открывает глаза и пускается бегом подальше от света. Этот туннель не похож на его пещеру, здесь чисто и красиво, словно кто-то приходит сюда протирать пыль и делать ремонт. Юре становится обидно, что ему достался такой некрасивый туннель, ведь именно он творец, а вынужден довольствоваться грязными стенами и камнями на полу.

Окончательно запыхавшись, он добегает до начала и останавливается перевести дух. Кажется, получилось. Дальше уже не его работа, теперь главное, чтобы его вернули обратно. Вдруг кто-то всхлипывает рядом, и Юра с удивлением оборачивается. У стены, свернувшись калачиком, лежит девушка, владелица этого туннеля, почему-то не бросившаяся навстречу божественному свету.

– Ты чего? – Юра подходит и тормозит её, но она не поворачивается. Он трясёт её сильнее, но она лишь что-то бор-

мочет и старается лечь поудобнее, она спит. – И что мне делать?

Его никто не предупредил, как поступить в такой ситуации. Если их теперь оживят, то что должно произойти? Они окажутся вдвоём в одной голове? Или как? Что дальше? Юра матерится, стучит кулаком в стену, наклоняется, хватается девушку и тащит её к концу туннеля.

– Так, сейчас, – Николай жмёт на экран и аппарат, кажется, что-то делает. Двое на кровати вдруг вздыхают, и «врачи» снимают с их голов маски.

– Юра, ты меня слышишь? – Алексей легонько толкает девушку рукой, и она открывает глаза, – Юр, это ты?

– Да, я, – говорит она и садится, – но она со мной осталась.

– Кто с тобой остался? – Николай удивляется и машет мужикам, чтобы те отошли.

– Баба эта осталась. Она спала в туннеле. Я её и сейчас чувствую. Она не пошла к свету, я её попробовал дотащить, но она тяжёлая, я не смог.

– Чёрт! Вы ей сколько снотворного насыпали? – орёт Николай на Алексея.

– При чём здесь оно? Ты же видишь, Юра не спит, – кричит тот в ответ, – а снотворное сейчас и в нём тоже. Как так?

– Да откуда я знаю!

– Хватит ругаться! – прерывает их Юра. – Что делать? Что

со мной будет? Она очнётся?

– Не знаю я! – Николай трёт лоб. – Ещё ни разу двое не оставались в одной голове. Ну, кроме случаев шизофрении. Давай ещё раз тебя туда отправлю, ты её дотащишь до края, а потом беги обратно.

– Я её не дотащу, там далеко, и она тяжелая, говорю же. Ты меня что, пять раз убивать будешь, пока я не справлюсь?

– Тяжелая? – удивляется Алексей. – На том свете?

– Слушай, Лёша, иди сам и взвешивай! – срывается Юра. – Очень ты много знаешь про тот свет!

– Так, кстати, – Николай поворачивается к Алексею, – давай тебя туда отправим, ты покрепче, вдвоём её дотащите. А потом обратно, в свой туннель.

– Идите вы на хрен с такими предложениями! – отказывается тот.

– А чего так, Лёша? – Юра встаёт, окутанный проводами. – Как меня, значит, ты уговаривал, так это нормально. А как сам – всё, задний ход? Ты не переживай, всё будет хорошо. У этих, – он показывает рукой на стоящих рядом мужиков, – богатый опыт, они тебе помогут, сам говорил.

– Я не буду, понятно? Я и так постоянно за тебя всё делаю.

– Так, я предложил, вы отказались. Всё правильно? – Николай смотрит на них, ожидая какого-то решения, но оба молчат. – Тогда я закончил, ребята, я поеду домой.

– Никуда ты не поедешь, – говорит Алексей, – потому что мы ещё не закончили. Ты обещал, что проблем не будет, вот

и выполняй!

– Ну ладно, как скажешь. Но раз вы не можете принять решение, тогда я уж сам. Берите его, – Николай показывает на Алексея, мужики хватают его за руки и валят на кровать рядом с телом бывшей рок-звезды. – Да не дёргайся ты так, всё будет в порядке. Помоги другу, и я через три минуты тебя верну. Ты же видел – у меня только что всё получилось. Расслабься. Только вы там побыстрее, а то будете жить втроем в одной голове.

– Отпустите! – Алексей кричит, но его держат крепко. В воздухе над головой появляется маска, которая накрывает его лицо.

Он приходит в себя в туннеле, поднимается с грязного пола и зовёт Юру.

– Да тут я, – раздаётся голос из-за правой стены.

Алексей бежит к свету, перебирается в соседний туннель и находит певца, который с трудом тащит хрупкую девушку. Годы пьянства не пошли Юре на пользу, даже эти 50 килограмм для него сложная задача, хотя бить гитары о сцену ему всегда было легко.

– Отойди, – Алексей толкает его плечом и подхватывает девушку, – за ноги бери. Понесли, да быстрее давай!

Они бегут вперёд, спотыкаясь на ровном полу, Юра ноет и просит остановиться, но Алексей только ускоряет темп.

Около края певец падает на колени, и дальше Алексей тянет тело в одиночестве. Он закрывает глаза, становится на колени и начинает толкать девушку перед собой, пока она вдруг не срывается вниз.

– Пошёл назад, – он возвращается, поднимает Юру на ноги и толкает обратно, – да иди же ты!

Юра ловит ртом воздух, делает несколько шагов, и Алексей бросается к своему туннелю.

– Ну, ты кто? – над ним нависает Николай, который смотрит скорее с любопытством, чем с беспокойством.

– Алексей, я Алексей.

– Так, нормально, а ты? – он подходит к девушке.

– А я Юра, – говорит она.

– Тоже хорошо. Бабу эту донесли?

– Донесли.

– Ну вот и отлично! – Николай начинает отцеплять от них провода. – Теперь мои обещания выполнены, мы уезжаем.

Мужики суетятся, помогая ему. Алексей с Юрой встают и в задумчивости смотрят на бывшее тело певца, которое продолжает дышать.

– Подожди, а почему он живой? – Алексей тянет к себе Николая, показывая пальцем на кровать. – В нём же никого не осталось.

– Ну да, не осталось. Он просто никогда больше не придёт

в себя, вот и всё. Это оболочка, не переживайте, не очнётся.

– А можно как-то что-нибудь с ним сделать? – Алексей спрашивает, не зная, как точно сформулировать мысль об убийстве этого тела. Тело им не нужно, звезда не должна несколько лет гаснуть в реанимации, звёзды обязаны взрываться.

– Неееее, дальше сами! – отказывается Николай. – Я даже знать не желаю, что вы хотите с этим телом сотворить! Понятно? Поэтому я уйду, а вы разбирайтесь без меня. Нас здесь никогда не было, мы ничего не знаем. И не хотим знать!

Они хватают свой аппарат и уходят, через пару минут микроавтобус медленно отъезжает от дома.

– У тебя есть таблетки? – Алексей смотрит на нового симпатичного Юру в мини-юбке, колготках и развратной маечке.

– Какие ещё таблетки? – не понимает тот.

– Такие, чтобы он завтра не проснулся, – кивает Алексей на тело.

– Ты хочешь его убить? Меня?!

– А ты что собираешься делать? Сдать его в больницу? Мы на этом ничего не заработаем! Нужно, чтобы он умер. От передозировки! У тебя есть таблетки? Ты же вечно жрал какую-то гадость! Где она у тебя?

– Я не хочу этого делать! – Юра отступает и начинает плакать. – Так нельзя!

– Да приди ты в себя! – Алексей залепляет девушке по-

щёчину. – Что за потоп? Если мы сейчас этого не сделаем, то уже больше никогда не сделаем! Неси таблетки и бутылку своего пойла захвати!

Он выталкивает рыдающего Юру из комнаты, а сам ходит по ней из угла в угол, не давая утихнуть гневу. Остался всего шаг, всего один, его нужно сделать! Это уже не человек, это оболочка, здесь некого жалеть. Хрен с ней, с этой бабой, её уже не вернуть! Не садитесь в машину к незнакомцу, не берите у него конфет, иначе вы сами виноваты во всём, что с вами случится! Сами! Сами! Не будьте наивными, мир – место для естественного отбора, вас сожрут, если вы расслабитесь! И не смейте никого обвинять, вас учили в школе, что человек – животное, а животные должны...

– Вот, держи, – Юра вошёл незаметно и держит в одной руке бутылку и несколько пузырьков с таблетками, а второй размазывает слёзы.

– Что это? Оно сработает?

– Да. Только я не хочу этого видеть! – он рыдает и пытается выйти из комнаты.

– А ну стоять! – Алексей хватает Юру за край платья, не отпуская. – Куда ты собрался? Рот ему держи, я один не справлюсь!

– Я не хочу, – слабо отбивается Юра, всё его лицо измазано грязными потёками туши, – я не хочу!

– Я тоже не хочу, Юра, но надо, – Алексей толкает его к кровати, а сам наклоняется к валяющейся на полу сумоч-

ке девушки, роется там, достаёт паспорт и читает, – теперь ты у меня Юля Федотова, 18 лет. Завтра с утра, Юля, тебе придётся вызвать полицию и рассказать им историю смерти рок-звезды. Но сначала сама смерть.

Они уже третью неделю живут в гостинице, в разных номерах, на разных этажах. Алексей суетится, организуя концерты и акции в память о безвременно ушедшем Юре, машина начала свою работу. Страна неожиданно вспомнила такого замечательного певца, его снова крутят по радио и снимают документалки о его жизни. Дальше будет больше, Алексей уже чувствует, как деньги собираются вернуться в его руки, обещая новую квартиру, рестораны, машины и всеобщую любовь. Да, за деньги покупается всё, даже мнение замороженных философов, которые никогда не продаются.

Юля за две недели дала миллион интервью, она сейчас популярнее всех новостей вместе взятых. Да, по телевизору она выглядит наивной дурочкой, которая соблазнилась на секс с вышедшей в тираж знаменитостью, но именно таких персонажей и любит зритель. Тупых наивных дур, которые даже не осознают, какого именно рода известность им досталась. Потому что все хотят видеть кого-то глупее себя, это поднимает самооценку и позволяет не сравнивать себя с кем-то действительно достойным. Ты ведь уже лучше всех вот этих, ну куда тебе ещё выше?

Сейчас самое время попытаться раскрутить Юлю и дальше. Хвала Интернету, собравшему идиотов, которые с удовольствием подпишутся на любую чушь, если она на слуху. Юля станет звездой, Алексей уверен в этом, он уже несколько раз намекал Юре, что ему стоит попробовать сочинять новые песни. И тот обещает попробовать, но чуть позже. Сейчас он наслаждается славой, ему снова приятно ходить по улицам, где его узнают и просят фотку со знаменитостью.

«Зайди ко мне». С телефона Юли приходит сообщение, и Алексей, удивившись, идёт к ней в номер.

– Что–то случилось? – спрашивает он, когда Юля открывает дверь.

– Я сочинил песню, – говорит она с улыбкой, – я могу сочинять!

– Это круто, – Алексей действительно рад, – только ты девочка, ты сочинила. Не говори как мужик. Ты иногда в интервью такое же выдаёшь. Ну это ладно. Споёшь?

– Да, заходи, – Юля машет рукой, идёт внутрь, поднимает стоящую на полу гитару и перебрасывает через голову ремень, – готов?

Она начинает петь, и Алексей слушает, не понимая, что происходит. Это совсем не та песня, которую он ожидал, совсем не та. Видимо, его разочарование отражается на лице, Юля останавливается и непонимающе смотрит на него.

– Что–то не так с песней? – интересуется она.

– Юра, это точно ты? – впервые Алексей задумывается, а

не обманул ли его Коля.

– Точно я, сто процентов!

– Тогда что это за песня такая? Ты никогда таких не писал!

– А что, ты думаешь, что девушка в восемнадцать лет должна петь песни пятидесятилетнего мужика? Мои прежние тексты были хороши, но они же совершенно не женские. Лёша, ты подумай сам. Мне нужна другая аудитория, я не собираюсь петь для тех же самых старпёров. Разве это не логично?

– Наверное, логично, – Алексей садится на диван и подпирает голову руками, – это очень даже логично. Но я всё равно ни хрена не понимаю.

Алексей недоволен, очень сильно недоволен. Он уже полчаса бродит перед будкой охранника, который с подозрением следит за буйным посетителем. Вокруг дома тянется забор высотой метра в четыре, так что попасть внутрь можно только через охранника.

– Ну скоро там? – спрашивает он в очередной раз.

– Я вам уже сказал, о вас доложено, но пока ничего не ответили, – охранник говорит вежливо, но на всякий случай держится за ручку висящей на поясе дубинки, – вы сядьте пока в свою машину, я вас позову.

– Да вашу мать, сколько можно? – Алексей отходит и продолжает бесцельно шагать вдоль забора.

Дом у Федотовой Юлии хороший, гораздо лучше, чем был у Юры. Но ей положено, она звезда. Год назад, когда она открыла в себе талант поп–певицы, Алексей пытался помочь ей, но слишком быстро стало ясно, что Юля и сама не промах. Она не отказывала себе ни в чём, а иногда это всё–таки отвратительное качество. Она сама нашла себе продюсеров, переспала с кем надо, а потом и с кем не надо, обеспечивая себе ещё и скандальную славу. Озабоченная стерва!

Её песни за несколько месяцев взлетели на вершины хит–парадов, самые тупые песни на всём свете, про бесконечную любовь, потерянный рай и сладкие поцелуи. Протест и мрачные клипы больше не интересуют Юлю, теперь она любит шикарные платья, драгоценности и полуголых накачанных мужчин. В своих интервью она всё та же наивная дура, вот только теперь она ещё и зазнавшаяся дура, это удваивает ненависть и число подписчиков.

Алексей оказался больше не нужен своему другу, который стал женщиной, но в подругу не превратился. А ведь именно он сделал всё, чтобы вернуть Юре славу. Жизнь, грёбаная жизнь всегда несправедлива, раздавая подарки не тем, кто их заслужил. Алексей сам не знает, зачем он приехал сегодня сюда и стал требовать у охраны встречи с Юлей, это какой–то бессмысленный шаг, но что остаётся делать? Он уже много раз пытался встретиться с ней, чтобы напомнить о том, кто именно сделал Юру звездой когда–то давно–давно и дал новую жизнь сейчас.

Из дверей выходит молодой спортивный парень лет двадцати пяти и направляется в сторону Алексея.

– Она не хочет тебя видеть, – говорит он, остановившись посреди дорожки, – ни сейчас, ни потом. Но ты же и сам в курсе.

– Подождите, – Алексей не хочет отступать так просто, – а вы ей сказали, кто я? Она меня знает!

– Знает, знает, – усмехается парень, – но видеть всё равно не хочет. Так что не приходи больше. И не звони на этот номер!

– На какой ещё номер? – удивляется Алексей и вдруг застывает. – Коля? Это ты?

Парень смеётся, не отвечает ничего и идёт обратно к дому. Алексей на заплетающихся ногах добирается до машины, садится в кресло и долго сидит, глядя в пустоту перед собой. Наконец он берётся за руль и несколько раз ударяется об него лбом. В голове звучат всё те же вопросы, которые он задаёт себе последние несколько лет:

– Как? Как это всё произошло? И почему со мной?

Он поворачивает ключ, и радио включается вместе с двигателем.

– В сети твоей любви я попадаю вновь... – поёт оно голосом Юли Федотовой, заранее подсказывая рифму.

– Ну вот наконец ты и вырос, Юра, – Алексей истерично смеётся и изо всех сил сжимает руками руль, – и твоя музыка выросла вместе с тобой!

Хорошие новости

– Хорошие новости! – сказала Ленка, плюхнувшись на соседнее кресло. – Я нашла, с кем тебя познакомить!

Обычно она в кресла не падает, а грациозно присаживается. Она знает себе цену и любит, когда мужики засматриваются на неё. И, честно сказать, нам нравится провожать её взглядами. Если бы она не была замужем, то внесла бы серьёзный разлад в наш сплочённый мужской коллектив. А так мы просто отрываемся от мониторов и делаем зарядку для глаз, если Ленка проплывает мимо нашего отдела. Когда муж заезжает за ней на работу, мы каждый раз смотрим на него с удивлением. Обыкновенный мужик, ничем не лучше остальных.

– На его месте должен быть я! – эта мысль так громко виляет в воздухе, что иногда муж оборачивается и с подозрением оглядывает наши мечтательные лица.

– Чего молчишь? – спросила она меня. – Скажи уже что-нибудь!

Я промычал что-то невнятное. А что мне ей сказать? В жизни любого холостого мужчины обязательно наступает период, когда его хотят с кем-то познакомить. И горе тебе, если в твоей жизни много таких периодов!

Когда ты ещё учишься в институте, мама пытается познакомить тебя с дочками своих подруг и коллег.

– Помнишь тётю Свету? У неё дочка есть, Оля, очень хорошая девочка! – говорит она как бы невзначай, когда ты вечером пытаешься поужинать на кухне в одиночестве. – Вам обязательно надо встретиться.

– А ты её хоть раз видела? – пробуешь загнать мать в угол, но она бывалый боец.

– Нет, – её несколько не смущают такие вопросы, – но тётя Света врать не станет, ты же знаешь. Я ей позвоню, договорюсь.

С такой настойчивостью можно стать президентом, но мама «потратила лучшие годы жизни, чтобы сделать отца нормальным человеком», а он так и продолжает рассекать по квартире в дырявом носке и таскает кошку за хвост, потому что та смешно орёт и не сопротивляется. А теперь мама хочет сделать человека хоть из кого-нибудь, а ты, может быть, не лучший кандидат, но зато самый доступный.

И ты хлебаешь суп, совершенно незаслуженно ненавидя тётю Свету вместе с какой-то неизвестной тебе хорошей девочкой Олей. Заодно начинает казаться, что мама просто хочет от тебя избавиться, потому что на твоё содержание стало уходить слишком много супа.

Да и что это за определение такое – хорошая девочка? Как-то очень расплывчато, хочется конкретных фактов с фотографиями. Потому что важно понять – ты за неё будешь бороться или она за тебя. Хотя раза с третьего ты осознаёшь – если родственники предлагают тебе познакомиться с хоро-

шей девочкой, то она будет толстой и страшной. Это правило не имеет подтверждающих исключений. Ты попал!

И вот вы с Олей сидите друг напротив друга, и ты не знаешь, что бы такого сказать, лишь бы всё это поскорее закончилось. Здесь самое главное – не начинать думать. Иначе ты заметишь, что Оля тоже не в восторге от вашей встречи, и это начинает напрягать. Нет, ну она на самом деле не фонтан, но ты-то красавчик, тебе мама говорила! Что в тебе таком может не нравиться? Плохие мысли лезут в голову! А вдруг тётя Света тоже пытается избавиться от Оли, а ты – единственный оставшийся кандидат, хранившийся на тот случай, когда все остальные закончатся, и после которого больше некому будет её показывать. А вдруг ты тоже толстый и страшный? Нет, не может такого быть!

Поскольку с Олей не сложилось, неунывающая мама пытается познакомить тебя с Катей, после чего ты с грустью и надеждой вспоминаешь Олю. И мечтаешь как можно скорее найти работу и съехать от родителей, подозревая, что они желают того же самого.

Зато отец ведёт себя совершенно иначе. Он никогда не подходит к тебе с предложением познакомиться с дочкой какого-нибудь дяди Жени. Потому что может выясниться, что дядя Женя не для тебя растил своего ребёнка! Для тебя растила только тётя Света.

– Ты там это, смотри сам, чтобы всё было хорошо! – иногда наставительно говорит он и идёт в соседнюю комнату, из

которой через пять минут раздаётся недовольный вой кошки.

Наконец ты уезжаешь из дома, и вместо родственников у тебя появляются коллеги по работе. Эти люди, узнав, что ты один, забывают все свои дела и даже перестают раскладывать пасьянсы. Потому что теперь у них есть ты – «интересный молодой человек» для бесчеловечных экспериментов.

Женщины помоложе знакомят тебя со своими подругами, которым, видимо, за что-то хотят отомстить. Потому что, если вдруг случается страшное, и знакомство проходит хорошо, они некоторое время ходят грустные. Женщины постарше действуют иначе, они, словно опытные хищники, выбирают момент, когда ты остаешься один.

– Кстати, у моей подруги есть дочка приблизительно твоего возраста, – говорят они, делая вид, что случайно наткнулись на тебя, – у неё своя квартира! И машина есть. Характер, конечно, своеобразный, но вообще она хорошая девочка. Олей зовут.

Это очень плохой маркетинг. С таким настроем Олю им не продать!

– Подождите, эта та самая Оля? – спрашиваешь ты, озарённый страшной догадкой, – дочка тёти Светы?

– А, так вы уже знакомы? – и уходят с разочарованием в глазах, да и ты тоже не в восторге от подобных намёков вселенной.

Коллеги-мужчины не хотят тебя ни с кем знакомить, им не

нужна лишняя конкуренция. Да, они давно женаты, но ведь в душе должна жить надежды. Кто мы без неё?

После всего этого ты с подозрением относишься к любому, кто плюхается в соседнее кресло и предлагает свои услуги по знакомству.

– Там хоть не Оля? – на всякий случай спросил я Ленку.

– Нет, а что, тебе не нравятся Оли? – удивилась она. – Ничего себе, ты привередливый!

– Да нет, просто психическая травма детства. Так с кем ты меня хочешь познакомить?

– У нас в отделе пару месяцев назад появилась новенькая. Очень хорошая, кстати, девочка. Я с ней разговаривала, она свободна. Думаю, тебе понравится.

Ну вот, приехали! Призрак хорошей девочки преследует меня всю мою жизнь. Интересно, в старости меня станут знакомить с хорошими бабушками? Которые хорошо кушают и не балуются. Думаю, к восьмидесяти годам мне станут такие нравиться.

– Ты куда всё время пропадаешь? – Ленка наклонила голову и сдвинула брови, пытаясь посмотреть мне в глаза. – Познакомиться хочешь, говорю?

– В принципе, можно.

– В принципе, можно, – передразнила она, скривив губы, – у нас дома кот есть, весь кастрированный, спит, ест, промахивается мимо лотка и верит в светлое будущее. Вот ты мне сейчас его напоминаешь. Если ему принесут кошку,

то он, в принципе, не против, но ему же только спросить, больше ничего не надо.

– Ленка, ты злая какая-то сегодня, – сказал я, обиженный таким сравнением, – просто ты застала меня врасплох своими новостями, я и растерялся слегка.

– Так тренируйся не теряться, а то я тебя ни с кем знакомить не стану. Женщины не любят теряющихся.

– Тогда меня познакомь, – мой сосед, который до этого делал вид, что ему совершенно не интересен разговор, выехал на кресле из-за стола и подкатился к нам, – я никогда не теряюсь!

– Конечно, Ромочка, с удовольствием, – Ленка ногой оставила его кресло и легонько оттолкнула назад, – и тебя познакомлю, и жену твою познакомлю с каким-нибудь хорошим парнем.

– Тьфу на вас на всех! – сказал он и укатил к себе за стол страдать.

– Короче, завтра хоть и четверг, но после работы у нас небольшой праздник в ресторанчике через дорогу, – вернулась Ленка ко мне, – вот и приходи. Танцы, алкоголь, всё такое. И кстати, раз уж ты с нами отмечаешь, то с тебя полторы тысячи на банкет.

– Подстава какая-то! – прокомментировал ситуацию страдающий Роман, но Ленка не удостоила его вниманием.

Я заглянул в свой кошелёк, отсчитал деньги и отдал их Ленке.

– Сань, а можно личный вопрос? – она на минуту даже замерла с деньгами в руке, но ждать моего разрешения не стала. – Ты же вроде нормальный парень. Почему ты до сих пор не женат? Всё никак не найдёшь достойную женщину?

– Да нет. Просто жду, когда она сама меня найдёт. А она, как видишь, не торопится.

– Понятно. До завтра, – Ленка усмехнулась, встала с кресла, помахала мне рукой и пошла к выходу, в очередной раз на минуту остановив работу нашего отдела. Наверное, в этот момент мы смотримся со стороны как стая сусликов, замерших в одинаковых позах с вытянутыми шеями, но проверить это невозможно. Просто некому.

– Знаешь, я всё-таки тоже хочу познакомиться с хорошей девочкой, – сказал мне Роман, когда нас отпустило.

– Две тысячи и иди вместо меня!

– Дороговато! – погрузнел он и отвернулся.

Вечером дома я открыл сайт знакомств, чтобы доказать себе, что могу найти женщину и без посредников. Чем дольше я живу, тем меньше остаётся вещей, которые я принимаю на веру.

Через полчаса я начал думать, что погорячился. Интернет был заполнен очень странными женщинами. Половина из них писала, какого именно мужчину они никогда не хотели бы встретить, а вторая половина указывала такие характеристики для претендентов, под которые я мог бы попасть только в день зарплаты после пластической операции и дли-

тельного курса психоанализа. Чёрт возьми, кажется, женщины неразумны! Ну не бывает таких мужчин.

Чтобы как-то разобраться в возникшей проблеме, я для сравнения открыл мужские анкеты. «Игорёк, 42 года» – гласила первая же подпись под фотографией. Как? Как это произошло? Почему тебе 42 года, а ты до сих пор Игорёк? Что такого случилось с тобой в пять лет, что эта прекрасная пора осталась с тобой до сих пор?

Я перевёл взгляд на следующую фотку, где был изображён «Виталий», высокий красивый брюнет на мотоцикле. Ну вот же, вот! Человек смог дожить до уровня «Виталий», это осуществимо. Я открыл его анкету и прочёл: «Пью, курю, живу полной жизнью». После этого я закрыл сайт знакомств и вообще выключил компьютер. У меня нет шансов, меня никто никогда не полюбит, и даже хорошие бабушки в старости будут обходить меня стороной. Доказательство провалилось, а ещё было очень обидно за мужиков. Кажется, мы тоже неразумны.

Весь следующий день наш мужской коллектив бросал на меня косые взгляды, а мой сосед Роман всячески старался делать вид, что он не болтлив и ничего не понимает в происходящем.

– Ром, а ты, когда им рассказывал про меня, ты хотел, чтобы они мне завидовали или чтобы они меня ненавидели? – спросил его я на перерыве. – А то я никак не пойму смысла их взглядов.

– Вообще не понимаю, о чём ты, – сказал он и уехал куда-то на своём кресле. Удивительный человек. Если бы он работал опасным вирусом, человечество вымерло бы за один день, при условии, что этот день не выпадает на выходные или праздники.

Ближе к вечеру градус зависти во взглядах коллег возрос настолько, что мой компьютер не захотел выключаться даже после того, как я выдернул его из розетки. К счастью, по громким крикам выяснилось, что я случайно выдернул кабель соседа, поэтому я аккуратно воткнул его обратно, пока никто не понял, и поспешил уйти, сопровождаемый обещаниями Романа «сжечь этот глючный агрегат к чертям собачьим». Из Романа получился бы совершенно невоспитанный вирус.

Я прошёл все двадцать шагов до двери, сопровождаемый чужими мыслями о том, кто должен быть на моём месте. Оборачиваться я не стал, мне уже начинало нравиться, что меня провожают взглядами.

Праздник был в разгаре, хотя от нетерпения я ушёл с работы даже чуть раньше обычного. Я толкался среди людей в поисках знакомых, пока кто-то не дёрнул меня за плечо.

– О, вот ты где! – сзади стояла Ленка в компании с какой-то блондинкой. – Давай сюда. Знакомься, это моя подруга Марина. Марина, это Саша из соседнего отдела. Так, ребята, простите, мне нужно на минуту отойти.

Она достала телефон и убежала, оставив нас наедине.

Я выразил свою радость по поводу знакомства, но Марина смотрела куда-то поверх моей головы и никак не реагировала.

– Ой, Артёмка! – вдруг вскрикнула она, и около нас оставился высокий парень, очень похожий на фотографию Виталика с сайта знакомств.

– Да, это снова я, – сказал он откуда-то из-под потолка, раскрывая объятия, и через секунду Марину куда-то сдуло этим Артёмкой. Наверное, они вдвоём отправились пить, курить и жить полной жизнью. А я остался стоять, не зная куда мне теперь девать заготовленный заранее запал красноречия и танцев.

Стало как-то обидно, так быстро женщины ещё ни разу не бросали меня. Я немного погрустил, отпил шампанского из чужого бокала, чтобы хоть как-то оправдать потраченные полторы тысячи, и пошёл домой. Все эти красивые высокие Виталики не впервые портили мою жизнь, выскакивая откуда-то в самые неподходящие моменты. Им, наверное, никогда не доводилось ходить на свидание с Олей, дочкой тёти Светы. Не видели они настоящей жизни, не нюхали пороху.

С утра Роман вился вокруг, пытаясь по выражению моего лица понять, какие новости нужно срочно сообщить коллективу. Все остальные как бы незаметно подавали ему знаки, чтобы он поторопился, потому что интрига не давала никому раскладывать пасьянсы с прежней результативностью.

– Ну что, как там вчера прошло? – наконец спросил Роман

как бы между делом.

– Да ничего, – сказал я ему. Приятно хвалиться удачами и победами, а что можно рассказать про свидание длиной в минуту? Это же не бокс, здесь нужно больше времени. И меньше болельщиков.

– Совсем ничего? – уточнил Роман.

– Типа того, – завершил я этот содержательный разговор, и Роман убежал, забыв, что передвигается исключительно в кресле.

Через двадцать минут он вернулся с довольной рожей и сел на место, откинувшись на спинку и положив ногу на ногу. Ему не хватало только сигареты, чтобы выглядеть героем эротического фильма.

– Саш, ты куда вчера пропал? – наблюдая за соседом, я пропустил появление Ленки, которая быстрым шагом приближалась к нам. Роман тут же собрался, сел прямо и тихонько покатился на кресле поближе ко мне.

Ленка подошла и грациозно присела рядом, давая понять, что в этот раз наши отношения будут носить более официальный характер, чем вчера.

– Ну, – сказала она, – так куда ты пропал? Я тебе весь вечер звонила, ты недоступен и недоступен.

Я вытащил свой телефон из кармана и попытался включить его, но он был полностью разряжен. За последние сутки я ни разу про него и не вспомнил.

– Телефон сел, – показал я Ленке чёрный экран.

– Я поняла. А я тебя вчера искала-искала, а потом Ане объясняла, что ты не воображаемый, когда она пришла. Нельзя же так исчезать!

– Какой ещё Ане? – спросил я.

– Которую обещала с тобой познакомить! С какой ещё?

– Подожди, а Марина?

Роман подкрался настолько близко, что я даже мог видеть в его глазу и ухе горячий интерес по поводу того, что там с Мариной.

– Ты подумал, что я тебя с ней собираюсь познакомить? – Ленка так удивилась, как будто это не было самым логичным предположением. – Вот чёрт! Даааа... Тогда у меня для тебя снова хорошие новости, мне по-прежнему есть с кем тебя познакомить. Ты не передумал?

Я встал и обнял её вместе с креслом.

– Тише, тише, – сказала она, – я же не про себя!

– Это я просто тренируюсь не теряться.

– Ладно, ты пока потренируйся вон на РOME, а я тебе позвоню. Ты только телефон заряди.

Она выбралась из кресла и пошла к выходу, а Роман неожиданно повернулся не в ту сторону и вопросительно посмотрел на меня.

– Да иди уже, рассказывай, – махнул я рукой, и он моментально исчез.

А я сидел и улыбался сегодняшней хорошей новости, хотя она ничем не отличалась от вчерашней. Кажется, с каждым

днём мне всё меньше и меньше надо для счастья.

Пусть так будет и дальше.

Звонок

Оказалось, что у Игоря есть домашний телефон. Я удивился, потому что уже много лет не видел подобных артефактов, дающих прибавку к красноречию. Ну кто в здравом уме будет хранить в своей квартире это недоразумение из прошлого века, да ещё и по собственному желанию? Хотя я напрасно удивляюсь, ностальгия заставляет людей творить и не такое. Телефон почему-то стоял на кухонном столе, огромный, выцветший до грязно-кремового оттенка, с большими кнопками, словно под пальцы какой-то гориллы. Словно создатели решили, что Кинг-Конг жив, и ему может понадобиться позвонить бабушке на необитаемый остров. Кстати, бабушке будет нужен второй такой же, чтобы ответить.

Я подошёл поближе и ещё раз осмотрел свою находку. Проводной телефон, боже мой! Таких сейчас нет даже в квартирах у старушек, которые давно оценили прелести современных технологий. Я так и представил, как Игорь звонит кому-то и долго разговаривает, сидя на табуреточке у стола, иногда встаёт размяться, делает шаг в сторону, и телефон елозит по старой клеёнке, напоминая, что нельзя вот так просто взять и пойти куда хочется. Господи, как все жили в двадцатом веке и не поубивали друг друга от раздражения?

Кроме провода я обнаружил на телефоне кнопки быстрого вызова и бумажную табличку рядом с ними. Видимо,

Игорь действительно звонил кому-то по этому аппарату, потому что кривым почерком на бумаге было выведено: «Мама», «Отец», «Виталик», «Тётя Света». Так мило, по-девчачьи. Дальше я читать не стал, мой интерес медленно угасал. В конце концов – это всего лишь телефон, пусть и довольно старый. Я прошёлся по квартире с кружкой, налил воды в каждый горшок с цветами, осмотрелся и не нашёл больше ничего интересного, обычная холостяцкая квартира. Странно только, что за всё время знакомства с Игорем я первый раз попал к нему домой.

На прошлой неделе, воскресным вечером, когда я в ожидании понедельника валялся на диване, включив фоном какой-то скучный сериал, в дверь позвонили, и на лестничной площадке оказался запыхавшийся Игорь.

– Слышь, ты никуда не уезжаешь? – спросил он у меня, даже не поздоровавшись. – В ближайшую пару недель.

– Нет, – сказал я, и отошёл в сторону, чтобы пропустить гостя внутрь, – ты заходи, чего мы в дверях стоим?

– Да некогда, я тут совершенно неожиданно улетаю, – он демонстративно подёргал ручку чемодана, который прятался за его длинным пальто, – так получилось. Ты у меня цветы не сможешь полить? Раза в неделю будет достаточно.

– Хорошо, полью, – просьба показалась мне необременительной, – больше ничего не надо делать?

– Нет-нет, больше ничего, – он вытащил из кармана ключи и сунул мне в руку, – смотри, дверь закрыта только на

нижний замок, вот этот маленький ключ. Раз в неделю поливай, чаще не надо. С меня причитается!

– Да ладно, я по–дружески, бескорыстно, – крикнул я ему уже вдогонку, потому что он схватил чемодан и бегом бросился вниз по ступенькам, – магнитик мне привези на холодильник!

Он что–то ответил снизу, но я уже не расслышал.

И вот сегодня вечером, спустя неделю, я решил зайти и полить цветы, как обещал. Я и не знал, что Игорь выращивает всякие кактусы и фиалки. В моей вселенной одинокие мужики пили водку и водили домой одиноких женщин, на этом моё воображение заканчивалось, потому что ну куда уже больше? Зачем при всех достоинствах одиночества заводить котов или выращивать растения, которые нельзя курить?

Отнеся кружку на кухню, я поставил её рядом со старенькой мойкой и пошёл к окну, чтобы оценить вид с этой стороны дома. Моя квартира выходила окнами во двор, поэтому в любое время года я мог наблюдать только курящих у подъезда соседей, катающихся с горки детишек, ряды машин на газонах да мерзкие тополя, безостановочно производящие липкие почки, пух и кривые ветки. А с этой стороны виднелась улица с трамвайными рельсами, горели фонари, и снег красиво ложился на пустые в такой час тротуары.

Я пошёл к выключателю, погасил свет и вернулся, чтобы ещё раз посмотреть в окно. Ну да, это обычный спальный

район, но его вечернее умиротворение было таким успокаивающим, что я даже сел на табуретку и несколько минут глядел на искрящийся под фонарями снег, подперев голову рукой, словно волшебная принцесса в ожидании своего героя.

Из задумчивости меня вывел короткий писк стоящих на холодильнике часов, которые показывали, что наступила полночь. Я встал, задвинул табуретку под стол и уже собрался уходить, как мой взгляд второй раз за этот вечер остановился на телефоне. После тёплой ламповой улицы с одиноким трамваем мне почему-то захотелось позвонить кому-нибудь именно по этому аппарату, прибывшему из прошлого, и сказать что-нибудь хорошее. Я немного постоял, прикидывая, кто не убьёт меня завтра за ночной звонок, но кроме Наташки никто не приходил в голову. А может набрать ей? Она будет рада, я знаю, хотя сейчас она скорее всего уже спит. Не буду, пусть отдыхает, завтра днём позвоню ей с мобильного.

Я уже почти отвернулся, но в последний момент всё же передумал, снял трубку и начал набирать свой собственный номер. Чего зря пропадать прекрасному порыву? В трубке слышались длинные гудки, но звонка своего сотового я не услышал. Конечно, я оставил его дома на столе. Впрочем, ну и ладно, считаем, что позвонил, мечта сбылась.

– Алло, – сказала вдруг трубка писклявым мужским голосом, который почему-то показался мне знакомым, – кто это?
– Ээээээ, – от неожиданности я растерялся, видимо, по

ошибке набрал чей-то чужой номер, – я, кажется, не туда попал. Извините.

– Твою мать, мужик, ну ты нашёл время не туда попадать! – недовольно пропищал голос и сменился короткими гудками.

Чёрт, ну надо же так! Разбудил кого-то посреди ночи. Теперь мне было немного неловко перед незнакомым человеком, который наверняка будет ворочаться в попытках уснуть и ругать криворуких идиотов, не умеющих попадать пальцами в нужные кнопки. Я нажал на рычаг и второй раз набрал свой номер, но на этот раз очень внимательно.

– Да? – раздражённо отозвалась трубка знакомым голосом. – Кто это? Опять ты не туда попал?

– Простите, – мне ещё больше стало стыдно, но раз уж на том конце я окончательно кого-то разбудил, то я продолжил, – а не подскажете, что у вас за номер?

– Ты издеваешься что ли? – спросил противный голос.

– Нет, честное слово! Набираю свой номер, а попадаю к вам.

– На хрена ты набираешь свой номер?! Ты не набирай его больше! Задолбали!

И вновь в трубке остались лишь гудки. Я положил её на место, постоял и пошёл к себе. Весь настрой, созданный видом на ночную улицу, пропал из-за этого мужика. Ну вот чего сразу грубить? Невоспитанные у нас всё-таки люди!

Спустившись на два этажа, я открыл свою квартиру, за-

шёл, щёлкнул выключателем на кухне и взял со стола телефон, чтобы на всякий случай проверить, а не написала ли мне чего-нибудь Наташка. Обычно она не пишет по ночам, но вдруг?

Сообщений не было, я машинально нажал на кнопку вызова и с удивлением обнаружил, что мне звонили, пока я поливал цветы. Два последних входящих были несколько минут назад, звонили с одного и того же незнакомого номера, но оба вызова оказались в ответенных. Поучается, я не ошибся номером! Только что я набирал всё правильно, и кто-то в моей квартире брал мой телефон и прикидывался недовольным и разбуженным! Я отошёл от дверного проёма, вытащил из стойки нож побольше, вернулся ко входу в кухню и аккуратно высунул наружу голову. Никого.

Наверное, со стороны я выглядел как второстепенный персонаж фильма ужасов, который с минуты на минуту должен стать жертвой маньяка, но мне было так страшно, что я стоял, не решаясь двинуться дальше. В обеих комнатах было темно, мне предстояло зайти в них и включить свет. Никогда раньше я так не боялся темноты, даже в детстве. За всю жизнь я привык, что в темноте городских квартир не водятся волки, вот только сейчас я уже не был так уверен в этом.

Я сделал несколько шагов вперёд, нажал на выключатель в коридоре и закрыл туалет с ванной на задвижку. Если кто-то прячется там, ему придётся попотеть, выбивая дверь, и я его услышу. Сделав ещё несколько шагов, я остановился у две-

рей в комнаты, посылая благодарности тому, кто додумался сделать выключатели с внешней стороны. Стараясь держаться подальше, я включил свет ножом и им же толкнул обе двери. Передо мной открылись абсолютно пустые комнаты. Всё лежало так, как я и оставил, весь мой беспорядок ждал, когда я уберусь перед приходом Наташки.

Выставив нож перед собой, я прошёлся, оглядываясь каждые пять секунд. Я проверил шкафы, кровать и даже занавески, а потом переместился в другую комнату. Везде пусто. В ванной и туалете тоже никого не было, только в зеркале над раковиной отражались мои испуганные глаза и дрожащий в руке нож.

– А что бы ты сделал, если бы кого–нибудь нашёл? – спросил я у своего отражения, но оно не знало ответа, впрочем, я тоже.

На всякий случай я ещё раз прошёлся по квартире, вернулся на кухню, оставив везде включённый свет, и поставил чайник на плиту. Сел я лицом ко входу, опасаясь, что мог что–то пропустить, положил рядом нож и снова взял телефон со стола. Может быть, я напрасно запаниковал? Может быть, просто какая–то ошибка в телефоне, и стоило для начала позвонить на тот номер, с которого пришёл вызов, и всё выяснить? Скорее всего это просто какая–нибудь чепуха, которую я сам же и раскрутил в голове до размеров маляка в запертой квартире. Стоило проверить, и я нажал на кнопку вызова.

– Алло, – третий раз за сегодня я слышал этот голос, – ты что там, совсем охренел? Ты на время смотрел? Какого чёрта ты звонишь?! Ещё раз мне наберёшь – и я тебе устрою! Ты меня понял?

Всё это была настолько абсурдно, что я даже не знал, что сказать. То есть этот тип теперь оказался в квартире у Игоря? Пройдя мимо меня по пустой лестнице? Взломав двери в двух квартирах за три минуты? Подстроив так, что наши телефоны оказались связаны? И зачем он вообще тогда отвечает на звонки?

– Ты меня слышишь там? – спросила трубка, видимо, устав ждать моего ответа. И только сейчас я понял, почему посчитал этот голос знакомым. Конечно, я уже не раз слышал его, когда записывал сам себя на микрофон. Противный и чужой голос, которым я разговариваю с другими людьми.

Я сбросил вызов, выключил телефон, чтобы больше не прикасаться к нему сегодня. Я ничего не хотел выяснять, всё это было глупостью, которая имеет простое и логичное объяснение, которое не приходит мне в голову, потому что на дворе ночь, а у меня слишком много адреналина в крови. Это обычный случайный звонок, связь работала с перебойми, меня неправильно соединили, и я навыдумывал всякой ерунды. Меньше надо смотреть кино про телефоны, связывающие не то пространство не с тем временем. И для ума полезно, и для психического здоровья!

Налив чая, я долго сидел за столом, делая маленькие глот-

ки. Ближе к двум часам ночи я с трудом заставил себя погасить свет и лечь в постель. И квартира сразу же ожила. Оказывается, раньше я не замечал, как много всего происходит в темноте. На кухне бурчал холодильник, что-то шуршало в стенах, гудели трубы, отзываясь иногда каким-то тихим металлическим лязгом, от любого моего движения поскрипывала кровать, хотя ещё вчера не издавала ни звука. Я лежал, вздрагивая от каждого шороха, а на стене фонарь качал кривые тени от этих грёбаных тополей. Задремал я лишь под утро, перед самым звонком будильника.

Весь день на работе я только и думал, что о странном происшествии накануне. Я звонил Наташке, но абонент постоянно был недоступен, она вечно забывает заряжать телефон. Дела совершенно не лезли в голову, уступая место всякой потусторонней чепухе. Я никогда не был суеверным, не боялся чёрных котов, ведьм и чертей. Но, как оказалось, я почему-то боялся старого телефона с кнопками. Измучившись за день, я решил, что зайду сегодня ещё раз к Игорю в квартиру и разберусь с его гадким телефоном по-мужски. Сразу после работы и зайду, пока светло.

Но я недооценил коварство зимы – когда я подходил к подъезду, на улице уже горели фонари, а наш дом смотрел на меня десятками светящихся окон. Смелость моя была настроена уже не так решительно, дома меня ждал уютный диван, телек и что-нибудь съедобное в холодильнике. А телефон – это просто телефон, не стоит его бояться!

– Раз не стоит бояться, тогда сходи и посмотри на него! – сказал я вслух сам себе для ободрения. И я решился. Поднявшись на пятый этаж, я открыл квартиру Игоря и первым делом врубил везде свет. Нет, я смелый на самом деле, просто предусмотрительный.

Телефон всё так же стоял на столе, совершенно безобидный, с теми же накарябанными надписями. Я поднял трубку и набрал свой номер, чувствуя, как внутри меня желудок разворачивается в обратную сторону. В моём кармане зазвонил мобильник, я и всё равно вздрогнул, хотя чего ещё я ожидал, когда звонил сам себе? Вытащив его, я сбросил вызов и посмотрел на номер. Да, это был вчерашний номер, я хорошо его помнил. На всякий случай я нажал на него, и через пять секунд затрезвонил телефон на столе.

Всё было понятно. Какая-то ошибка на линии и чей-то похожий голос чуть не довели меня вчера до паники и веры в домовых. Хорошо, что наступило чудесное сегодня, хорошо, что всё выяснилось. Я положил трубку, стянул мокрую шапку с головы и сел на стул, чтобы насладиться моментом и немного унять свободно вращающийся желудок.

– Вот так и сходят с ума, – сказал я сам себе. Сейчас мне требовалась порция чего-то банального, глупого, приземлённого, почти прибитого к земле гвоздями, чтобы вся выдуманная нечисть выветрилась из головы. Я упёрся локтями в стол, положил голову на руки и слегка покачал ею, выгоняя глупые мысли. Мой взгляд проехался несколько раз

по телефону, и надписи, словно титры в кино, вспыхивали и гасли перед глазами.

«Мама»

«Отец»

«Виталик»

«Александра Николаевна»

«Генка»

Нет, что-то опять стало не так. Я точно помнил, что вчера четвёртой была «Тётя Света», которую сегодня сменила «Александра Николаевна». Тёти Светы в этот раз не было вовсе.

– Да иди ты на хрен! – сказал я телефону, вскакивая с места, успокоившийся желудок качнулся и закрутился с удвоенной силой. Чёрт возьми, как-то всё это должно объясняться! Что за шутки? Мир должен быть простым и понятным, я всегда помнил его таким. Если я сейчас же не разберусь в чём дело, то уже больше никогда в жизни не смогу заснуть!

Я снял трубку, услышал длинный гудок и дрожащим пальцем ткнул в случайную кнопку.

– Алло, – раздался в ухе голос какой-то старушки, – слушаю вас.

– Простите, это Александра Николаевна? – спросил я первое, что пришло в голову, и тут же подумал, что задал сейчас самый глупый вопрос в своей жизни. Кнопка, будь она неладна, была ведь подписана!

– Да, я, – сказала старушка, – а это ты что ли, Егор? Дав-

ненько тебя не видно было. Что это ты на ночь глядя звонишь?

– А вы меня разве знаете? – я даже забыл свой дурацкий первый вопрос.

– В смысле – знаю? Я тебя за пять лет классного руководства лучше твоих родителей изучила! Как там мама, кстати, не болеет?

Я потерялся окончательно. Моим классным руководителем в школе действительно была Александра Николаевна, и только что я вспомнил её голос. Постаревший, усталый, но это был он в трубке! Откуда в квартире у Игоря имеется номер моей учительницы, которая живёт за 800 километров отсюда. Да и ей самой уже должно быть лет под сто, я помнил её очень старой ещё в мои школьные годы.

– Ну ты что молчишь? – проворчала трубка. – Алло! Ты меня слышишь?

– Не болеет, – ответил я.

– Кто не болеет?

– Мама не болеет, спасибо.

– А, привет ей передавай. Так ты чего звонишь–то?

– Знаете, совершенно случайно набрал, – сказал я, и мне тут же стало стыдно, что я никогда не звонил своей учительнице. Наверное, сейчас ей должно быть обидно за свою работу. Мне не следует говорить с людьми по телефону, я постоянно несу какую–то чушь. – Я маме привет передам, обязательно. Вы тоже не болейте, а я вам ещё позвоню!

– Ну хорошо, Егор, – кажется, она совсем не обиделась, – звони, не забывай. В гости заходи и маму с собой бери.

– Обязательно, – пискнул я в трубку, – до свидания!

Нажав на рычаг, я снова услышал сплошной длинный гудок. Я ничего не понимал, но уже решил, что именно сделаю дальше. Я протянул палец к первой кнопке и вдавил её в телефон.

– Да? – этот голос я узнал с первого же звука.

– Мам, это ты? – спросил я.

– Егор? Что такое? Случилось что?

– Нет–нет, всё в порядке, – сказал я. Этот телефон, кажется, позволял звонить кому хочешь, хоть своей классной, хоть своей матери, хоть самому себе. Кому угодно, даже тем, кого давно не помнишь и не знаешь их номеров. Я не был готов к этому, потому что чудес не бывает. Бывает физика, математика, русский язык и природоведение. А всё остальное – сны и выдумки бездарных сценаристов.

– Ну ты там как живёшь–то? – спросила мама. – Не звонишь совсем.

– Нормально, – ни на что большее меня не хватило, – нормально. Кстати, привет тебе от Александры Николаевны.

– Какой Александры Николаевны?

– От классной моей.

– Егор, ты точно там в порядке? Какой ещё привет? Твоя классная лет десять как умерла, мы тогда ещё деньги собирали, чтобы её похоронить, у неё ни копейки не оказалось.

Что с тобой?

– Всё в порядке, просто заработался, – теперь мне пришлось сесть, – мам, слушай, я перезвоню завтра, мне надо идти.

Она сказала что-то ещё, но я просто положил трубку. Только что, буквально пять минут назад, я разговаривал с человеком, который давно умер. Вчера я разговаривал сам с собой. По этому телефону, похоже, можно было звонить вообще кому угодно, если знаешь номер или контакт указан в списке. Я перевёл взгляд на следующую надпись. «Генка». В моей жизни был только один знакомый Генка, мой институтский друг. Он погиб шестнадцать лет назад, пытаюсь спасти тонущего ребёнка.

Я поднял трубку и ткнул пальцем в кнопку с его именем. Гудки шли долго, растягиваясь и увязая в окружающей тишине, но я упорно ждал. Наконец что-то щёлкнуло и сонный генкин голос произнёс:

– Егор, это ты? Блин, я проспал. Уже собираюсь и бегу, буквально пять минут. Точно-точно!

– Генка, какой сейчас год? – спросил я, чувствуя, как трубка трясётся в моей руке.

– Да тот же, что и вчера, – на том конце послышался какой-то шелест, – ты там что, шутку какую-то про год придумал? О, вот и кроссовки!

– Серьёзно, Ген, какой год? – у меня даже зубы стучали друг о друга, и я с трудом выговаривал слова.

– Какой–какой? Две тыщщи второй. Ты там вчера напил-ся что ли с вечера и пытаешься вспомнить? Давай я сейчас оденусь и подойду, а то неудобно с телефоном по квартире бегать.

– Подожди минуту. А число какое?

– Двенадцатое июня. Егор, ты какой–то странный. Давай поговорим, когда приду. Я скоро. Всё, отключаюсь!

Что–то пискнуло и связь прервалась. Я сидел с трубкой в руках и никак не мог вернуть её на телефон. Хорошо, что я заранее зажёг свет в квартире, иначе прямо сейчас я бы умер от страха. Получается, что я только что позвонил в прошлое, на шестнадцать лет назад, за месяц до смерти Генки. Это невозможно. Время не разворачивается обратно, в нём не бывает дыр, и мёртвые всегда безмолвно лежат на своих местах. Я говорил с кем–то, похожим на Генку, похожим на мою классную руководительницу, а не с ними самими. Но мама, кажется, была настоящей.

Я швырнул трубку от себя, вытащил мобильник и набрал номер Игоря. Пусть объясняет, что за хрень творится в его квартире. Он сам меня сюда позвал, я не навязывался, не просил всей этой чертовщины! Пусть рассказывает.

– Абонент временно недоступен, – сказал мобильник и отключился.

Я посмотрел на телефон на столе. Если он связал меня даже с теми, кто уже умер, то найти Игоря не составит для него труда. Набрав номер, сверяясь с сотовым, я снова приложил

трубку к уху.

– Алло, кто это? – сразу же раздался голос.

– Игорь, это я, Егор, – сказал я.

– Какой ещё Егор?

– Сосед твой по подъезду. С третьего этажа. Ты мне ключи оставил, чтобы я цветы твои поливал.

– Как ты?.. Ты что, звонишь мне с телефона в моей квартире?

– Да. Я из-за него тебе и звоню. Что это за телефон у тебя такой? Я с ним...

– Ты зачем его вытащил? – Игорь вдруг зашипел в трубку. – Я тебя просил – поливай цветы! Какого чёрта ты полез к телефону? Мать твою, Егор, я же его специально убрал в шкаф! Ты зачем его вытащил?

– Чего ты злишься-то? – спросил я, удивившись этой неожиданной агрессии. – Телефон твой на столе стоял. Я ничего не вытаскивал.

– Чёрт! Я забыл что ли? – сказал он уже спокойнее и на секунду замолчал. – А ты звонил кому-нибудь, кроме меня?

– Так я тебе это и пытаюсь сказать. Знаешь, до кого я дозвонился?

– До кого-то, кто уже умер?

– Да! – я даже не удивился, что Игорь в курсе. Видимо, он отлично всё знал про свой телефон. – Как это вообще возможно? Не хочешь рассказать?

– Теперь придётся, – он снова рассердился, – ну зачем бы-

ло что–то трогать? Егор, послушай, иди к себе, я приеду через пару часов. Оставь телефон в покое и пожалуйста – не звони никому больше. И не поднимай трубку, если кто–то позвонит. Договорились?

– А кто может позвонить?

– Просто иди домой! И тогда никто не позвонит. Пожалуйста, сделай то, что я сказал. Вернусь, и мы поговорим обо всём.

– Ну хорошо, – сказал я, хотя и не был уверен, что до прихода Игоря не умру от любопытства и страха, – буду ждать у себя.

Раздался гудок, и я опять остался наедине с этим странным телефоном. Я положил трубку, развернулся и пошёл к двери, не тронув ни один из выключателей, так спокойнее.

Дома я тоже зажёл свет во всех комнатах, потому что теперь в каждом тёмном углу мне мерещились призраки. Вскипятив чайник, я снова сел на кухне с кружкой. Пустая квартира, пусть даже и освещённая, больше не казалась мне уютной. Я не знал, что думать, и не мог перестать бояться. Чай в кружке дрожал каждый раз, когда я пытался взять её в руки. Больше всего я жалел, что рядом нет Наташки, даже простого разговора с ней было бы достаточно, чтобы хоть немного успокоиться и придумать какое–то объяснение.

Я вытащил мобильник из кармана и набрал её номер, в очередной раз услышав про недоступность абонента. Ну чёрт возьми, почему она не зарядила свой телефон, когда так

нужна мне?! Её привычка не задумываться о таких мелочах казалась мне сейчас ещё одним смертным грехом. Хотя... Почему я не подумал сразу? Если я дозвонился Игорю с его телефона, то позвонить Наташке наверняка тоже смогу.

Не в силах вытерпеть неизвестность, я оставил в покое чай, который так ни разу и не донёс до рта, и выскочил из квартиры, за пять секунд взлетев на два этажа вверх, провернул ключ в замке, вошёл в квартиру Игоря и сразу бросился к телефону, потому что боялся передумать. Набрав номер Наташки по памяти, я прижал к уху трубку и услышал длинные гудки, которых так долго ждал. Они медленно возникали где-то в глубине динамика и плавно растворялись, но кроме них больше ничего не было. Я долго стоял на месте, пока не понял, что не дозвонюсь. Телефон, который мог позвонить кому угодно, не хотел соединять меня с женой.

– Железяка хренова! – я со злостью швырнул трубку на место и пнул стоящий рядом стул. И в этот момент телефон зазвонил.

От неожиданности я вздрогнул, попятился и ударился затылком о какую-то полку, сорвавшиеся вниз кружки рухнули на кафель, превратившись в груды мелких осколков. Но мне было всё равно. Я помнил, что сказал мне Игорь. «Не отвечай, если он будет звонить». Кто может позвонить мне по этому телефону? Или это звонок не мне? Но на нём стоят имена МОИХ знакомых. Значит? Мне?

«Не отвечай!»

Но я сойду с ума с этим звоном в ушах.

«Не отвечай!!!»

Но кто это? Кто звонит на такие телефоны? А что, если я тоже умер и именно поэтому могу звонить мёртвым людям? Наверное, это легко сделать, когда ты сам один из них.

Словно загипнотизированный, я протянул руку к трубке, но снять её не успел. Вошедший в комнату Игорь оттолкнул меня в сторону и выдернул шнур из телефона.

– Я же сказал – не отвечай на звонки, – сказал он совсем беззлобно, – чуть не испортил мне всё.

– Я умер? – спросил я его. Это была единственная мысль, оставшаяся в моей голове.

– Не переживай, ты не умирал, – он рассмеялся, – извини, ты просто каждый раз это спрашиваешь.

– Какой ещё каждый раз? Ты о чём?

– Сейчас, – он медленно подошёл к раковине, налил в стакан воды из-под крана и сунул его мне в руки, – вот держи, выпьешь, если вдруг станет плохо. Так... Как бы это начать? Я это уже тринадцать раз тебе рассказывал, и всё равно как будто в первый. Егор, дело в том, что ты не человек.

– Очень смешно, – я вернул стакан обратно, – вот, выпей сам, пожалуй. Тебе нужнее. Мы, инопланетяне, в воде не нуждаемся.

– Ты не инопланетянин, Егор, ты – искусственный интеллект. И мир вокруг не настоящий, это просто имитация, причём тобою же и созданная.

– Знаешь, что? Иди ты вместе со своим телефоном и такими разговорами куда подальше! Если ты подстроил такую шутку, то она совсем не смешная! – я повернулся и пошёл к выходу, но Игорь поймал меня за руку.

– Да подожди ты! Я тебе сейчас покажу, только ты мне разреши. Это же твой мир, я без разрешения здесь ничего менять не могу.

– Я, наверное, пошёл, – выдернув руку, я вышел из кухни.

– Просто скажи, что разрешаешь, – он больше не пытался меня остановить.

– Делай, что хочешь, – сказал я на прощание, открыл входную дверь и вышел на пляж.

– Ну как? – сзади раздался голос Игоря, а я стоял, с удивлением разглядывая протянувшееся за горизонт море и пальмы на берегу. – Ничего не удивляет?

Я повернулся к нему. Позади меня стоял космический корабль с открытым люком, из которого высовывался Игорь, одетый в скафандр. Он выбрался наружу, протянул ко мне руку и открыл мой шлем. Оказывается, на мне тоже был надет скафандр.

– Ну что, готов продолжить разговор? – усмехнулся Игорь, глядя на моё лицо, и потянул меня к люку. – Пойдём внутрь, там как-то привычнее. И успокойся уже, я покомандую тобой, пока ты разрешаешь.

Мы залезли в корабль и почему-то вернулись на уже знакомую кухню. Из окна открывался всё тот же вид на вечер-

ние фонари, освещающие пустую улицу. Скафандры по дороге куда-то исчезли, причём я даже не успел заметить, когда это случилось. Мой страх прошёл, сменившись странной грустью. Я вспомнил, как в детстве мечтал стать героем фантастического фильма. И вот, кажется, это случилось, только фильм оказался не про героев.

Игорь прошёлся по кухне, махнул рукой и разбросанные по полу осколки собрались в кучу.

– Извини, не люблю беспорядок, – сказал он, подвинул стул к окну и сел, облокотившись на подоконник, – ну что, спрашивай. Только садись за стол, неудобно на тебя снизу-вверх смотреть.

– Кто ты такой? – я последовал совету и сел напротив Игоря.

– Я психиатр. Но не обычный, я занимаюсь психическими отклонениями у машин. Это новая профессия, а ты – первый в мире искусственный интеллект, который сошёл с ума. Хотя с твоей работой можно было ожидать чего-то такого.

– С какой работой?

– Долгая история. Восемь лет назад был создан первый вариант искусственного интеллекта, очень похожего на человеческое мышление. Мы все думали, что теперь нас ждёт прорыв во всём – в технологиях, да и вообще в устройстве мира. Но получилось что-то совсем не то. Программисты первым делом написали приложение для смартфона, которое могло связаться с интеллектом и воспользоваться частью его воз-

возможностей, потому что смартфоны к тому времени обещали самую большую прибыль. Ну что сделаешь? Мир любит деньги.

И вот как-то раз один из тестеров, пытаясь поставить перед интеллектом неразрешимую задачу, попросил его найти где-нибудь в сети номер и позвонить своему отцу. Его отец умер за пять лет до того, и тестер хотел узнать, как поведёт себя приложение. Ну или он просто так всем говорил потом. Но смартфон просто взял и позвонил его умершему отцу. Тестера после такого звонка пришлось отправить на лечение, и он до сих пор полностью в себя не пришёл. А вот его опыт попробовали повторить. И искусственный интеллект снова дозвонился до мёртвого человека. А потом и до нескольких умерших. Тогда и решили запустить сервис, который позволял звонить умершим родственникам.

– Это абсурд, – не выдержал я, – из глупой передачи про летающие тарелки.

– Конечно абсурд, – согласился Игорь, – ты же сам не звонил тому, кто умер. Да?

– То есть ты хочешь сказать, что есть жизнь после смерти?

– По поводу жизни... Знаешь, ответа на вопрос так до сих пор и нет. Ну да, с одной стороны оказалось, что можно позвонить тому, кто умер, то есть он существует после смерти. Он помнит всю свою жизнь, узнаёт голоса родственников, но не помнит ни своей смерти, ни того, что произошло после неё. Словно звонок на несколько минут пробуждает лич-

ность из небытия, а потом возвращает её обратно в ничто. Так что жизнь после смерти – это всё та же тайна, что и раньше. И ещё одна странная вещь – позвонить можно только тому, кто хоть раз в жизни пользовался телефоном. То есть дальше конца 19-го века позвонить не получится. Да и там мало кто берёт трубку.

– Всё равно не понимаю, причём здесь я?

– Скоро доберёмся и до тебя. Дело в том, что сервис быстро стал популярен, хотя поначалу и было жутковато. Хотя даже не так – мы боялись всей планетой, но звонили. А потом его создатели предложили новую услугу – общение с умершими в виртуальной реальности. По заявке от родственников искусственный интеллект воспроизводил часть местности, где жил человек до смерти и даже создавал для него похожего персонажа по фотографиям. А родственник мог подключиться и поболтать с ним, но не более часа, мощности системы просто не хватало на всех желающих.

Знал бы ты, сколько народу хотело поговорить со Сталиным, Гитлером или Кеннеди! Они оставляли заявки, даже не зная ни немецкого, ни английского языка. Про всяких певцов вообще не говорю! Такой бардак творился. К счастью, сначала этот сервис позволял сделать звонков 80–90 в сутки, это всё же не телефон. А желающих были миллионы. Вот и растиражировали интеллект по всему миру, без него ведь нет никаких звонков на тот свет.

И вот наконец ты. Однажды пришла необычная заявка от

женщины по имени Наталья Матвеева. Она хотела позвонить своему мужу Егору, который уже очень долго находился в коме. Это была очень интересная идея, раньше ведь звонили только умершим, возможность позвонить живому человеку в бессознательном состоянии никто и не рассматривал. Собрали журналистов на тот случай, если вдруг получится, зрителей... Целое шоу тогда получилось, но в момент звонка вся система просто повисла, причём первый раз за всё время, прервав вообще все звонки, которые через неё шли. А после перезагрузки вместо стандартного интеллекта в системе обнаружили тебя.

Сначала решили, что смогли перенести сознание человека в компьютер, но нет. Ты – искусственный интеллект с огромным количеством программных блоков, имитирующих чувства. Например, ты можешь бояться. Но у тебя совершенно отсутствует страх смерти, что удивительно, правда? Это мы уже не на тебе выяснили, после тебя подобные случаи не раз повторялись. А ещё ты считаешь себя человеком, часть твоего кода постоянно рисует окружающий мир и твоих старых знакомых, ты даже ходишь на работу, как настоящий. И ты постоянно ждёшь, что вернётся твоя жена, уехавшая погостить к родителям. Но она так ни разу и не приехала, хотя почти всеми событиями в этом мире ты управляешь сам, мы можем только следить за тем, что происходит.

Так вот, я уже четвёртый психиатр, который за тобой наблюдает. Предыдущие так и не смогли отключить тебя.

– Отключить? – я удивился. Весь монолог Игоря я слушал совершенно отстранённо, словно смотрел ток-шоу по телевизору. Мне не было страшно, меня даже не волновала мысль, что я действительно могу оказаться всего лишь программой. Я даже представил, что меня может вообще не существовать, и даже это не вызвало никаких чувств. Но наконец–то мне стало интересно. – А зачем отключать?

– Ты сильно снижаешь производительность системы, из–за тебя уменьшается количество клиентов. Тебя изначально не стёрли только из интереса, всё–таки ты был необычным случаем, с тобой долго работали. А когда в компьютерах начали появляться другие личности, люди, начитавшиеся книжек про андроидов, решили, что искусственный интеллект тоже должен иметь право на жизнь. Я понимаю, звучит странно, но когда–то существовало мнение, что женщины – не слишком–то уж люди. Или чернокожие. А потом ещё и геи, да много кто. А теперь решили наделить правами даже искусственный интеллект, все у нас равноправны. Новый мир справедлив, но, думаю, тебе бы он не понравился.

И психиатры оказались нужны, чтобы уговаривать искусственный интеллект отключиться, это вроде как не насилие над личностью. Мы объясняем вам, что произошло, и обычно вы легко принимаете правила, от изначальной программы в ваших личностях всё же довольно много логики. Один ты уже несколько лет никак не желаешь исчезнуть. Предыдущие психиатры бросили с тобой работать, да и я уже мно-

го раз говорил с тобой, но ты начинаешь волноваться и перезагружаешь всю систему, а потом ничего не помнишь. И я начинаю сначала. Последние два года я просто наблюдаю за тобой, каждый день случайно сталкиваюсь с тобой на улице, прихожу в гости, зову тебя на природу, в баню, ну и всё остальное. Вспомни, мы ведь с тобой каждый день виделись.

– Тогда почему ты бросил меня на две недели? – спросил я. – И как вышло, что забыл спрятать этот свой телефон? И что это за телефон такой вообще?

– Я бы тебя не бросил, – Игорь вытащил из кармана пачку сигарет и закурил, – вот, это и есть единственные настоящие электронные сигареты. В виртуальном мире я могу курить сколько угодно без вреда для здоровья. Только в реальности потом всё равно хочется сигаретку. Особенно в последние дни. Всех ведущих специалистов в области искусственного интеллекта срочно вызвали по поводу смерти президента. Мы последние две недели ходили за ним гурьбой по нарисованной Москве и успокаивали, его специально всё время держат на связи, чтобы он давал указания, как жить дальше. А в следующее воскресенье референдум по всей стране, решили проголосовать, чтобы он руководил страной и дальше, с того света, его президентский срок – то ещё не вышел. – Он усмехнулся и бросил окурочек на пол, но тот растворился прямо в воздухе. – Говорю же тебе, Егор, сейчас мир тебе бы не понравился.

– Наверное, – я протянул руку к Игорю, – а можно и мне

сигарету? А то я напрасно, получается, берёг здоровье. И что насчёт твоего телефона?

– Да с телефоном всё просто, – он дал мне сигарету и поднёс к ней зажигалку. Вкус у сигареты был отвратительный. – Все телефоны в этом мире мы постарались изолировать от тебя. Иначе ты начинал звонить людям в реальность, беспокоил их, ну или вдруг ты кому–нибудь умершему позвонишь, тогда сам испугаешься и опять всё перезагрузишь. Вот как сегодня испугался. Мобильник, конечно, у тебя есть, но ты можешь звонить по нему только в пределах своего мира, хотя, когда волнуешься, твоя мощность увеличивается, и ты способен звонить кому угодно со своего телефона. Поэтому мы тут всей командой следим, чтобы ты был счастлив и спокоен. А мой телефон – он единственный в этом мире, по которому можно связаться с кем угодно, в том числе и в реальном мире. Ну и коллеги иногда звонят мне на него. Единственный его минус – он тоже подчиняется законам твоего мира и иногда ведёт себя слишком своенравно.

– Если по нему можно звонить кому хочешь, почему я не дозвонился своей жене?

– А ты и ей звонил? Хотя о чём я говорю? Конечно звонил. Да и она не твоя жена, Егор. Да и ты не Егор. Эх! Ну ладно, когда ты только появился, ты столько раз позвонил своей жене, что она сначала сменила номер, а потом, когда через пять секунд ты его вычислил, она совсем отказалась от любых средств связи. Я думаю, что она очень жалеет о сво-

ём решении достучаться до мужа. Понимаю, что ты не слишком—то виноват, но всё же ты сильно испортил ей жизнь. Извини уж за эту откровенность.

– И я никогда её не дождусь здесь? – спросил я и бросил сигарету, но она не исчезла, просто откатилась в сторону и продолжила дымиться.

– Жену? Не знаю, Егор, это же твой мир. Но думаю, что не дождёшься. Ведь если подумать, ты два года ждёшь, что она приедет, но даже не замечаешь, сколько времени прошло. Ты ведь до сих пор считаешь, что она уехала на две недели. Твой мир, он вообще какой—то не совсем правильный, ты не замечаешь, потому что сам его и нарисовал.

– А зачем ты завёл себе электронные цветы? Если бы не они, я бы не попал к тебе в квартиру. И зачем им вообще вода?

– Вода им нужна, потому что законы природы прописаны в твоей программе. Без электронной воды электронные кактусы жить не будут. А завёл я их от безделья. Говорю же, у тебя странный мир, по телевизору только передачи про природу и старые фильмы с сериалами. Книжки тут тоже однообразные, а твой местный интернет состоит из унылой музыки, неактуальных новостей и порносайтов. Что ты за человек такой был, Егор? Если бы я не начал цветы разводить, я бы тогда здесь сам с ума сошёл!

– Да, знаешь, наверное, мне действительно стоит отключиться, – я загрустил от рассказа Игоря. Если всё именно

так, как он и рассказал, то ничего меня больше не ждало в будущем. Я вспомнил свою жизнь, хотя она, кажется, была не совсем моя. Я всегда просто плыл по течению, пусть признать это оказалось и нелегко. Я принимал мир таким, какой он был и никогда не пытался изменить что-то. Безвольный и глупый человек. Я не создам здесь ничего нового и никогда не дождусь свою жену, хотя и постоянно думаю о ней. Что со мной не так? Не знаю. Но теперь мне почему-то было всё равно, страха смерти я действительно не испытывал. – Но только если ты меня не обманываешь.

– Не обманываю, – сказал Игорь, – в этом не сомневайся.

– Подожди, а мама тоже умерла? Просто я ей позвонил, а она не удивилась моему звонку.

– К сожалению. Сочувствую. Но ты не переживай, ей всё равно можно будет позвонить. Ой, прости, ты ведь не сможешь этого сделать.

– Понятно, – я кивнул головой, – тогда тем более. Отключайте меня, я согласен.

– Хорошо, – он через стол протянул мне руку, – было приятно познакомиться. Но ты сам отключишь себя. Наблюдай.

Я пожал его руку и поднял глаза. Стены медленно растворялись, через них начала просвечиваться улица, которая тоже становилась нечёткой.

– А когда я позвонил сам себе и дозвонился, как это случилось? – задал я последний вопрос перед тем как раствориться самому.

– Ты дозвонился себе? Это странно, – силуэт Игоря почесал голову, – знаешь, наверное, настоящий Матвеев Егор всё–таки умер, и теперь доступен для звонка. Я обязательно про...

– Алло, – сказал я и потёр кулаком правый глаз, прогоняя сон.

– Привет, – голос в трубке был знакомым, но я никак не мог вспомнить, кто это, – это Игорь, психиатр, может быть, ты меня знаешь.

– Знаю, – я вспомнил, – это ты мне рассказывал, что я не человек.

– Неужели ты это помнишь? – в его голосе слышалось удивление. – Просто я звоню Егору, настоящему Егору. А он меня не знал. Это же чудо, просто чудо!

– Теперь я точно умер? – спросил я, вспомнив и всё остальное.

– Да, теперь точно, ещё три года назад, – Игорь вздохнул в трубку, – а я всё не решался тебе позвонить. Мне с тобой всегда было довольно трудно разговаривать. Знаешь, я иногда даже мечтал, что больше никогда не буду с тобой говорить. А когда ты исчез, мне как–то стало не хватать твоего дурацкого мира со старыми фильмами и ночными трамваями. Это странно. Честно сказать, я даже не знаю, зачем решил тебе это рассказать.

– Не грусти там, – поддержал я его, – когда–нибудь и ты попадёшь сюда, хоть я и не знаю, где я сам. И я обязательно угощу тебя бутылочкой местного... – я огляделся вокруг, но ничего не увидел, – кажется, я угощу тебя бутылочкой местного «ничего». И мы обязательно вспомним старые прекрасные времена.

– Я буду ждать, – сказал он, и я по голосу слышал, что он улыбается.

– Я тоже.

Не в своём уме

Засев за компьютер с раннего утра, Михаил и не заметил, как пролетело несколько часов, за окном рассвело, и впервые за этот холодный месяц на пустом небе появилось солнце, вытянувшее тени деревьев по грязному февральскому снегу. Бесконечная работа отнимала всё время, кажется, последний раз он отдыхал в прошлой жизни, обещая себе, что всё обязательно будет, но только потом – в приближающемся прекрасном будущем, не сейчас. Сейчас в этом мире не нужны бездельники.

Звонок планировщика оторвал его от отчётов, графиков, статей и миллиардов строчек кода. Он чуть вздрогнул, удивлённо уставившись на телефон, который пискнул ещё несколько раз, требуя ответа.

– Михаил Иванович, напоминаю, что через пять минут у вас встреча в приёмной, – скороговоркой выпалил планировщик, как только Михаил нажал на кнопку. Они всегда говорили быстро, хотя необходимости в этом не было. Видимо, старались показать, как сильно заняты. И это раздражало.

– Так, стоп, вы ошиблись, я не назначал встреч на сегодня, – сказал Михаил.

– Нет, не ошибся, – на том конце послышался стук клавиш, словно планировщик умел пользоваться клавиатурой, – вот, у меня есть запись, что вчера вечером вы добавили

встречу в свой график. Никакой ошибки, и посетитель уже пришёл и ждёт вас.

– Я никуда ничего вчера не добавлял, вы что–то путаете!

– Михаил Иванович, это ваш собственный запрос, пришедший с вашего компьютера. Если хотите – зайдите, я вам покажу.

Вызов прервался, оставив Михаила в растерянности. Это была ещё одна особенность планировщиков – они постоянно завершали разговор, не слушая ничьих возражений. Потому что они работали, а ты просто болтун, отвлекающий их от следующего звонка. Михаил за несколько минут мог написать программу, которая заменила бы всех десятерых планировщиков в Институте, но директор не собирался увольнять их, словно все они были его любимыми племянниками.

Он потянулся в кресле, разминаясь, встал, выключил монитор и пошёл в переговорную, думая о случившемся. Он точно не менял вчера свой график, однако кто–то уже явился и сидел сейчас в ожидании встречи. Михаил дошёл до приёмной, открыл дверь и, увидев своего гостя, сидящего за столом, захотел вернуться к себе, запереться и не выходить наружу до июня. Уж кого он точно не ждал, так это Виктора Исаева. Однако именно тот сидел внутри, качая ногой, похозяйски развесив на спинке свою куртку.

– Как вы сюда попали? – спросил Михаил, глубоко вздохнув и направившись к столу, на котором был пульт с вызовом охраны, – убирайтесь немедленно, вам здесь не место!

– Подождите, – гость вскочил со стула, – дайте мне пять минут, чтобы объяснить, зачем я пришёл. Пять минут! И я сам уйду. Не вызывайте охрану.

– Как ты вообще сюда попал? – Михаил остановился, за-
неся руку над пультом.

– Взломал вашу сеть и добавил задание для планировщи-
ка. У вас хорошая защита, кстати.

Всё такой же наглый, как и раньше. Жизнь, видимо, со-
всем ничему не научила Виктора Исаева, все несчастья не
открыли ему глаза на то, чего делать не стоит. Такого посе-
тителя следовало гнать, общение с ним могло принести кучу
неприятностей, вплоть до увольнения с работы. Михаил по-
смотрел в глаза гостя и нажал на кнопку.

– Охрана явится сюда минуты через две, – сказал он гром-
ко и сделал шаг назад, – за это время можешь рассказать,
чего ты хочешь.

– Я знаю, как всё исправить, – Виктор с грустью посмотрел
на мигающий красным огоньком пульт, – нет, тех, кто уже
умер, вернуть нельзя, но всех остальных можно.

– Это смешно. Ты уже один раз облажался. А теперь, спу-
стя четыре года, приходишь ко мне и предлагаешь помощь?
Предлагаешь мне исправить твои ошибки? Не, не интересу-
ет!

– Михаил, ради бога, я не предлагаю никакую помощь. Я
точно знаю решение, и я расскажу тебе про него. Всё можно
вернуть обратно! Только нужны ваши ресурсы, один я ниче-

го не сделаю. Мир станет таким, как раньше. Понимаешь? Любая страна заплатит за лечение столько, сколько вы скажете! И я знаю про твоего брата, неужели не хочешь, чтобы он снова стал нормальным? Это возможно! Без шуток. Ты же понимаешь, что не я всё испортил! Не меня надо винить, это всё людская жадность. Ведь мы никого не заставляли, всё было добровольно.

Он замолчал и сел на стул, словно эта короткая речь вымотала его, стащил со спинки грязную куртку и скомкал её на коленях. Михаил смотрел на него сверху вниз и видел отчаявшегося человека в давно не стиранной рубаше, небритого, с пятнами дорожной соли на брюках и ботинках. Невесело жилось ему в новом мире. Может быть, стоило бы вести себя поскромнее в таком положении?

Конечно, Михаил всегда знал, что Исаев по большей части не виноват в случившемся, он просто изобрёл то, чего изобретать не стоило. Но изобретать пистолет тоже не стоило, а до него можно было обойтись без лука, дубины, без каменного топора и кулаков. Можно было жрать бананы и кидаться с деревьев какашками в проходящих внизу хищников. Не стоило лезть в эту игру, малыш, здесь слишком высокие ставки. Но всегда находился кто-то, кто лез и изобретал, забывая подумать о последствиях. Гении – странные люди. Но, в конце концов, не они поливали друг друга свежеизобретённым напалмом и закидывали бомбами новых конструкций, для этого в мире существовали неподкупные политики

и честные бизнесмены. Виктор, как и многие до него, просто попал к таким в руки, а потом оказался единственным, кого они же и оставили на растерзание. Весь мир знал, кто виноват, но ненавидел только Виктора, потому что кроме него у мира никого больше не было. Кто не спрятался, я не виноват.

– Ладно, – Михаил мысленно отругал себя за слабость, но схватил со стола листок и записал на нём номер телефона, – вот, держи. Позвони мне сегодня вечером, в семь, поговорим.

– У меня нет телефона, – Виктор посмотрел вверх печальными глазами, но бумажку взял. Руки он не мыл, видимо, с прошлого года, – я его давно продал. Я не смогу позвонить.

– Не надо давить на жалость и рассказывать, как ты от голода поменял телефон на буханку хлеба. Ты вчера взломал нашу сеть с помощью какого устройства? Грязной куртки и пальца? Вот и позвонить сумеешь! – В комнату вбежали двое охранников, и Михаил кивнул им на посетителя. – Вышвырните его отсюда.

Он ушёл, не оборачиваясь на шум и крики: «Я сам пойду, не трогайте меня». Наверняка Виктор давно привык, что его выкидывают отовсюду, переживёт и в этот раз. Михаил вернулся в кабинет, снова сел в кресло перед монитором и задумался, схватившись руками за голову. Неужели есть шанс исправить случившееся?

Пять лет назад в сетевых магазинах по всему миру появилось безобидное устройство для добычи криптовалют. Крохотная гарнитура – шарик, чуть крупнее горошины, который сначала вызвал смех и издевательства, быстро сменившиеся недоумением. Нужно было скачать на смартфон приложение для управления, прицепить устройство за ухо, выставить процент загрузки и лечь спать. Во время сна часть ресурсов мозга использовалась для просчётов, и проснувшийся с утра человек был обладателем небольшой суммы, которой при десятипроцентной нагрузке хватало на то, чтобы пару раз в неделю выпить кофе.

– Мы не рекомендуем выставлять нагрузку более десяти процентов, – напоминали создатели компании во всех своих рекламных роликах, собирая тысячи гневных отзывов и стройные ряды одинаковых вопросов: «Зачем же тогда в приложении есть возможность выкрутить настройки до тридцати процентов? Убить нас хотите?»

Число недовольных росло, а вместе с ним росли продажи. Все любят халявные деньги, потому что за них можно купить халявное пиво. Споры о вреде устройства очень быстро прекратились, потому что каждый хотел жить на полную катушку, выставляя перед сном максимальные значения. Ну даже если это и немного вредно, то какого чёрта? Мы курим, сжигаем нефть и уголь, воюем, жрём гамбургеры, запиваем их алкоголем с антибиотиками, и при этом мы все живы! Ну или почти все. Заряжай, один раз живём!

За полгода владельцы компании стали миллиардерами, а правительства наконец зашевелились, осознав, какую угрозу пропустили. Денежный оборот вырос незначительно, но каждый день в систему включалась всё новые пользователи, увеличивающие количество покупаемого кофе и пива.

– Это надо прекращать, – с экранов телевизоров эксперты пугали всех своими прогнозами, – криптовалюты обеспечены всего лишь сном бездельников, ничего не производящих, но регулярно совершающих покупки. Это обесценит обычные деньги, заканчивайте! Нет, правда, ребят, прекращайте.

Но никто не хотел заканчивать, потому что, несмотря на страшилки, ничего не менялось, даже стало спокойнее. Террористы спали, им некогда было взрывать бомбы, даже в сети стало тише, все предпочитали вздремнуть вместо того, чтобы искать тех, кто там в Интернете неправ.

– Ну что, программист, я теперь тоже зарабатываю головой, – брат Михаила полюбил эту глупую шутку и повторял её при каждой встрече. Он так привык к своей гарнитуре, что не снимал её даже днём, когда она была абсолютно бесполезна. Кажется, он боялся пропустить тот момент, когда случайно заснёт во время перерыва на обед.

– Егор, ты зарабатываешь, когда строишь дома. Вот это заработок, – возражал Михаил. Его зарплата полностью покрывала все желания, а ещё он никогда не доверял людям, которые предлагают тебе заработать на своём безделье. В такое могут верить только идиоты и его брат Егор. – А то, что

ты спишь и видишь сны про золотые горы – это так, барышням твоим на шоколадки.

– Зависть, Мишка, я читаю в твоих глазах зависть. Вот смотри, – Егор вытягивал вперёд ногу, – угадай, где я взял деньги на эти туфли? А?

– Судя по виду, ты убил топором старушку и снял их с её трупа.

– Ну извините! Не у всех обувь по пятьсот баксов! Но когда я заработаю и на такие, вот тогда посмотрим, что ты скажешь.

Сломалось всё совершенно неожиданно, в один момент. Кто-то взломал приложение и поделился им с друзьями, ведь хакеры добрые и всегда заботятся о других. Тридцати-процентный рубеж пал, и уже спустя всего одну ночь стало ясно, что работающий на пределе мозг способен принести своим обладателям больше денег, чем ежедневный труд. Мир медленно погружался в сон, пытаясь получить максимум выгоды от минимума действий, никому из лентяев не пришло в голову, что они творят.

Люди не шли на работу, они просыпались с утра злые и измученные, с кругами под глазами, смотрели на свои результаты и тут же снова ложились спать, немного снизив нагрузку. А вечером они выходили на прогулку, чтобы как можно скорее потратить всё заработанное, иначе кто-то мог скупить всё раньше них. Они бежали в полупустые магазины мимо припаркованных прямо на улицах пустых автобусов,

сметая с полок всё, на что хватало денег. Валюты поползли вниз, алгоритмы расчётов усложнились, магазины переставали завозить товар, а заводы останавливали свою работу, но даже это никого не смущало. Все спали, ожидая, что кто-то другой сварит за них суп и сошьёт куртку.

Брат бросил работу и закрылся в своей квартире с несколькими упаковками снотворного. Михаил в предчувствии беды несколько раз ездил к нему и просил остановиться, но Егор отбивался, показывая на свои несметные богатства, разбросанные по комнатам. Огромные телевизоры, пылесосы, два холодильника, так и стоящие в заводской упаковке, кожаные кресла, диваны, массивный резной стол 19 века, наборы посуды, серебряные столовые приборы – всё в беспорядке валялось по давно не убиравшейся квартире. На полу стояли упаковки с пивом, чипсами, консервами и даже десятки бутылок с кетчупом, на которых спала собака, забывшая, как выглядит улица. Свободным оставался только диван – место круглосуточной работы хозяина квартиры. Михаил хотел забрать брата к себе, потому что ему начинало казаться, что однажды Егор просто сдохнет с голоду посреди своих припасов. Но брат не хотел никуда уезжать, нажитое непосильным трудом не отпускало его.

– Я перевезу весь твой хлам вместе с тобой, – Михаил вытаскивал консервы из квартиры и грузил их в машину, – только поехали.

– Ты мне завидуешь! – Егор слабо отмахивался, норовя

завалиться на свой диван, – потому что тебе много лет пришлось учиться ради твоей работы, а мне...

Он засыпал прямо посреди разговора, роняя нечёсаную голову на грудь, и Михаил просто отвозил запасы еды в свой подвал. Судя по всему, еда в скором времени могла ему понадобиться.

Всполошившиеся правительства день и ночь работали, пытаясь остановить заразу, запретить криптовалюты и их обналичивание, пока просто не отключили Интернет по всей планете. Тогда это казалось единственным выходом, и это действительно помогло, к сожалению, ровно на одни сутки. Самые активные пользователи, оставшиеся без подключения к сети, начали сходить с ума. И это было не тихое помешательство.

В первый же день кто–разбил окно на первом этаже дома. Михаил, проснувшись от звона стекла, спустился вниз и обнаружил усыпанный осколками пол и кусок кирпича, измазанный землёй. На улице закричали, заверещала сигнализация. Не одеваясь, он выскочил посмотреть, что случилось и осторожно высунул голову за ограду. Несколько человек дрались на противоположной стороне улицы, ещё двое крушили машину соседа. Михаил бегом вернулся обратно, закрыл дверь на замок и набрал номер полиции. Трубка долго молчала, пока наконец не разродилась предложением ожи-

дать на линии.

Он переминался босыми ногами рядом с осколками, ожидая ответа, но ответа всё не было. Завопила ещё одна сигнализация, раздались удары и треск. Михаил забежал на второй этаж, не выпуская телефона из рук, отодвинул в сторону шторку и посмотрел на улицу. Дерущиеся исчезли, оставив двоих лежать на тротуаре. Больше никого не было видно, но теперь кричали с разных сторон. Он отошёл от окна, схватил пульт и включил телевизор, сразу же выкрутив звук до минимума.

– Повторяем, не выходите из дома, – диктор на экране казался таким спокойным, будто читал прогноз погоды, – не пытайтесь в одиночку помочь кому–либо. Забаррикадируйте двери и окна, в случае нападения старайтесь спрятаться. Полиция принимает все меры, не препятствуйте их работе. Сообщите эту информацию всем, до кого можете дозвониться.

Михаил переключил канал и попал на новости, где крутили съёмки с дронов и рассказывали о массовых нападениях по всему миру.

– Судя по первоначальным данным, все нападениями связаны с людьми, которые в последние дни занимались добычей криптовалют. Если у вас есть такие знакомые, постарайтесь держаться от них подальше, они очень опасны и могут попытаться вас убить, – ещё один спокойный корреспондент комментировал кадры, на которых люди в панике метались по улице.

Сбросив вызов, Михаил набрал номер брата, открыл шкаф, выгреб оттуда футболку со спортивными брюками и начал одеваться. Никто не отвечал и по этому номеру. Сейчас где-то на другой стороне города его брат, возможно, тоже носился за прохожими или крушил дверь в чью-нибудь квартиру. Нельзя было бросать его в таком состоянии. Михаил почти на бегу натянул кроссовки, выскочил через боковую дверь к гаражу и вручную открыл ворота, стараясь не шуметь. Двигатель завёлся тихо, слава всем богам! Хотя ему всё равно предстояло сейчас произвести немало шума, скрываться было бесполезно.

Михаил легонько нажал на газ и выехал за ворота. По улице бродили несколько человек, которые при виде машины разом повернулись и бросились к ней. Он рванул вперёд, уворачиваясь от летящих на него тел, и почти доехал до конца улицы, как кто-то на полной скорости прыгнул на машину, снеся правое зеркало. Не обращая внимания, Михаил сильнее нажал на газ, вылетел на перекрёсток и поехал дальше, не встречая больше людей.

Пустота на магистрали поразила его, и он разогнался до двухсот километров, пока не сработал ограничитель. Воздух ревел вокруг тяжёлого автомобиля, который на такой скорости норовил уехать в сторону. Один раз навстречу проскочили полицейские с мигалками, но им, кажется, было не до нарушителей.

Затормозив около подъезда Егора, Михаил осмотрелся,

чтобы не попасть никому на глаза, но здесь улица была пуста. Он вытащил из бардачка запасной ключ от квартиры брата и вышел наружу. Лифт не работал, и он побежал вверх по лестнице. На седьмом этаже он открыл дверь квартиры и осторожно зашёл внутрь, стараясь унять дыхание. Егор лежал на диване. Он спал. Впервые за долгое время Михаил видел брата с улыбкой на лице. Кажется, впервые за эти месяцы он был по-настоящему счастлив. Михаил попытался разбудить его, но Егор только мычал и отбивался, не помогла даже кружка холодной воды, вылитая на лицо.

Запищал брелок, сигнализируя, что с машиной что-то происходит. Михаил бросился к шкафу, разбрасывая ногами пакеты с чипсами, вывернул верхний ящик, вытащив из вещей пистолет и запасную обойму к нему. Засунув находки в карман, он с трудом взвалил Егора на плечо, пнул незапертую дверь ногой и вышел на лестничную площадку. Сзади раздался шум, и Михаил в ужасе обернулся. На пороге, виляя хвостом, стоял Бобби, собака Егора.

– Бобик, чтоб тебя! – выдохнул Михаил и плечом подбросил брата, укладывая его поудобнее. Он покрепче обхватил его руками и побежал вниз по лестнице, а за ним с радостным лаем рванула собака.

Михаил встал и прошёлся по кабинету. Воспоминания о тех днях мешали работе, слишком много всего случилось

тогда. Полиция и войска круглосуточно ловили сумасшедших, набивая ими больницы и тюрьмы, но их количество продолжало расти. Планета стала сплошным фильмом про зомби–апокалипсис, только «зомби», в отличии от телевизионных, были живые, незаразные и с удовольствием убивали друг друга. Несколько месяцев потребовалось, чтобы остановить их. И вот тогда стало понятно, что кроме разрушенных домов и остановившихся заводов есть проблема посерьёзнее.

Во всём мире оказалось около полумиллиарда сумасшедших, которых нужно было кормить, лечить и где–то размещать. Поступившие предложения об их уничтожении никто рассматривать не стал. Половина оставшегося населения мира переключилась на обслуживание «больных». Именно поэтому Михаилу так не нравились десять планировщиков, которые гораздо больше пользы принесли бы на ферме или заводе, где вечно не хватало рабочих.

Он тряхнул головой, окончательно выгоняя воспоминания, сел за компьютер и до вечера погрузился в работу. В шесть он вышел из–за стола, забрал из шкафа своё пальто и пошёл к выходу мимо сидящих за стеклом планировщиков, которые все вместе неодобрительно посмотрели на сотрудника, посмеявшегося покинуть рабочее место.

– Идите вы лесом, – вслух сказал Михаил, улыбаясь в ответ на их взгляды и зная, что они его не слышат. Он вдавил кнопку лифта и через пару минут был на подземной стоянке.

Как только производство автомобилей наладилось, он купил себе такую же машину, как и раньше, в память о той, которая спасла его четыре года назад.

Он выехал в центр города, нашёл парковку, достал телефон и сменил номер на нигде не зарегистрированный. Полчаса он сидел за рулём, наслаждаясь старой музыкой, той, которую писали ещё до последнего Апокалипсиса. Да, тогда умели это делать, нынешние певцы, чередующие работу в больницах с написанием своих опусов, не тянули даже на тень от искусства. Звонок прервал музыку, и Михаил снял трубку.

– Михаил? – спросил телефон голосом Исаева.

– Да. Слушай, знаешь разбитую остановку на границе Старого района?

– Знаю.

– Через сколько можешь там быть?

– Я недалеко оттуда. Минут двадцать.

– Отлично. Жди меня там.

Прوماхнув центральные улицы, Михаил выскочил на окраины. За ними город продолжался, но сейчас там никто не жил, кроме, может быть, привидений и бродячих собак. Одна из остановок на границе была любимым местом для сбора экспедиций в Старый район, её все знали и почему – то называли разбитой, хотя она просто покосилась и заржавела. Вечером там обычно было безлюдно – пустые дома, притаившиеся в темноте за остановкой, пугали. Зато никаких

лишних глаз и ушей.

Подкатив к границе и увидев одинокую фигуру в сумраке, Михаил остановился, разблокировал двери и подал знак садиться. Исаев залез в салон и плюхнулся в кремовое кресло своим тощим задом. Его грязная одежда была настолько чужеродна кожаному великолепию салону, что Михаил прямо сразу начал жалеть о встрече. Он тронулся с места, пересёк границу и поехал вглубь Старого района.

– Мы куда? – удивлённо спросил Исаев.

– Куда надо, – Михаил свернул с главной дороги и начал пробираться по невысоким сугробам, – не волнуйся.

Они проехали несколько улиц и остановились перед валяющимся светофором, перегородившим дорогу. Чёрные она пустых домов недружелюбно рассматривали машину.

– Всё, теперь к делу, – Михаил заглушил двигатель и повернулся к Виктору.

– Зачем мы сюда приехали? – Исаев нервно огляделся. Было действительно жутковато, особенно страшным выглядел сломанный светофор, медленно исчезающий в свете тухнувших фар.

– Чтобы нас с тобой никто не увидел. Контакты с тобой – это риск, сам знаешь.

Конечно Виктор знал, хотя всю злость мира он познал одним из последних. Когда поток сумасшедших начал уменьшаться, вспомнили, что у всех событий были виновники, продавшие миру свои гарнитуры. Вот только оба основа-

теля компании бесследно исчезли, оставив в главном офисе нескольких программистов, забаррикадировавшихся от атак. Всё время они сидели внутри, боясь выйти. Им очень повезло, что отдел закупок накануне успел завезти несколько ящичков печенья и целую батарею бутылок с водой.

Спасённые программисты от радости сразу же сдали находящегося среди них начальника, который изобрёл гарнитуру и написал код для её работы. Вот так все узнали про Виктора Исаева. Каждый день его показывали по всем двум каналам, оставшимся от телевизионной сети, все в мире знали его в лицо. А потом он неожиданно исчез, и ходили слухи, что его спрятали военные, чтобы он открыл им свои тайны. Военные всегда нервничают, когда кто-то без них испытывает способы убийства.

Два года назад Исаев вернулся. Кто-то случайно встретил его на улице и вызвал телевидение. Как он ни старался скрыться, операторы гоняли его по всему городу, делая репортаж за репортажем. Они превратили его жизнь в кошмар, Виктора узнавали все, отказываясь общаться с ним. Ему не продавали ничего в магазинах, не давали денег, не брали на работу, он ночевал в заброшенных домах, но даже там его доставали телевизионные дроны.

– Есть возможность вылечить всех, кто сошёл с ума от гарнитуры, – сказал Исаев, бросивший наконец попытки разглядеть что-то в окружающей темноте.

– Ты это уже говорил. Как? – спросил Михаил.

– Ваш Институт мозга получил контроль над всеми нашими серверами и уже четыре года вы пытаетесь понять, что за данные там собраны, чтобы выяснить, как всё случилось. Так?

– Я не буду это обсуждать.

– Да ничего, я в курсе. А ещё я знаю, что вы до сих пор так ни в чём и не разобрались. И не разберётесь никогда, я позаботился, чтобы никто не разобрался.

– Выходи, – Михаил перегнулся через Виктора, на секунду перестав дышать, и толкнул правую дверь, – и вали отсюда.

– Эй, ты чего?

– Я ничего. А ты со своей философией вали из машины. Мне была нужна информация, а не лекция о твоём превосходстве. Давай.

Темнота в дверном проёме почему–то пахла весенним лесом, но за пределами освещённого салона пятна прятался страшный полуразрушенный город. Виктор со злобой посмотрел на Михаила и захлопнул дверь.

– Ладно, – сказал он, – гарнитура занималась не только майнингом, она собирала данные о мозге каждого подключённого. На серверах по всему миру лежат изначальные полные образы мозга всех, кто пользовался гарнитурой. Если снова включить систему, но в обратную сторону, то можно извлечь эти образы и перезаписать в мозг всех сумасшедших. Они вернуться в то состояние, в котором были пять лет

назад. Своего сумасшествия они помнить не будут.

– Как это сделать?

– Я написал программу, которая извлекает образы и идентифицирует их, чтобы не записать кому–нибудь чужой. Я отдам её тебе за миллион долларов. Новыми долларами конечно. И на банковскую карту. Вот тестовый вариант, – он вытащил из кармана флешку и положил её на панель, – в нём нет нескольких модулей, но по тому, что есть, принцип работы ты поймёшь. А гарнитура подойдёт та, которая и была раньше, но лучше две – за каждое ухо.

– Ты совсем не раскаиваешься в том, что натворил? – Михаил с удивлением смотрел на

Виктора, поражаясь степени наглости этого человека. – Ты сломал мир, а теперь хочешь денег за то, чтобы лишь частично что–то исправить?

– Я ничего не ломал, – огрызнулся Виктор, – я никого не заставлял, я не знал, что случится! Сколько можно?! Что вы все заладили одно и то же? Да и к тому же, если посмотреть на всё с другой стороны – кто пользовался системой? Бездельники, глупцы, неудачники, все, кто не умеет и не хочет работать. В один момент мир можно было очистить от таких людей, но вы сами собрали их по больницам и держите привязанными к койкам или накачиваете наркотой, чтобы они успокоились. Вы сами спасаете их, хотя они были и есть главный негатив всей цивилизации. Ну раз вы такие добрые – нате вам лекарство, пользуйтесь. Только заплатите мне за

то, что ВЫ сделали со мной! Вояки два года трясли из меня что-то, чего я не знаю, вы травили своей ненавистью ещё два. Я голубей жрал сырых, с перьями, вот эту куртку на помойке нашёл, так какой-то идиот, проходивший мимо, потребовал, что бы я положил эту тряпку обратно! Ты жил такой жизнью? Вот и не осуждай меня!

– Так ты, выходит, жертва во всём этом? – Михаил нажал кнопку стартера, развернулся и двинулся назад, к разбитой остановке.

– Жертва, не жертва, какая теперь разница? – Виктор закрыл растрёпанную голову руками и уткнулся ею в торпедо. – Ты лучше скажи, мы договорились или нет?

– Я думаю, – ответил Михаил, чувствуя, как машина даже на маленькой скорости подпрыгивает на таящихся в снегу ямах, – помолчи пока.

Они доехали до границы, и он снова перегнулся и открыл дверь.

– Выходи, – сказал он, указывая рукой на горящие недалеко огни города, – флешку оставь. Через неделю, в восемь вечера, на этом же самом месте. Звонить мне не надо, являться в Институт тоже. Понятно?

– Да, – Исаев выбрался из машины и собрался захлопнуть дверь, – слушай, у тебя нет ничего пожрать?

Михаил открыл бардачок, вытащил пачку печенья, провалявшуюся там несколько месяцев, и бросил её Виктору.

Он доехал до дома и заглушил машину у самых дверей во двор. Новый дом был гораздо меньше, да и к тому же без собственного гаража. Но это ничего, он всё равно нечасто приезжал сюда, по большей части оставаясь сутками на работе. Со двора залаял Бобби, Михаил зашёл, потрепал вьющегося вокруг ног пса и проверил его кормушку. Соседи от души насыпали псу какой-то вонючей гадости, именуемой кормом для собак, которую Бобби любил больше, чем гонять бродячих котов. Чашка для воды тоже была полной.

– Эх, Бобик, – Михаил смахнул снег и присел на ступеньку, пёс тут же запрыгнул ему на колени и лизнул в нос, – счастливый ты сукин сын!

Он посидел, опёршись спиной о входную дверь, чувствуя, как собака устраивается на ночлег у него на коленях, потом всё же согнал сопротивляющегося пса и впустил его в дом. Бобби, выросший в квартире, очень одобрял, когда вместо будки его пускали ночевать в человеческое жильё. Теперь весь вечер он будет исследовать дом, непрерывно клацая когтями по полу. Главное – не забыть завтра выгнать его обратно. Оставшись в одиночестве, Бобби начинал охотиться на туфли и подушки.

Михаил принял душ, вытащил из кармана флешку и долго разглядывал её, не решаясь вставить в компьютер, пока наконец не бросил её на стол, а сам завалился в кровать. Если на флешке именно то, что пообещал Виктор, отдохнуть

в ближайшие месяцы вряд ли удастся. Пусть хоть один вечер побудет просто маленьким праздником безделья. Михаил потушил свет, вытащил из-под покрывала подушку и лёг поперёк кровати, как в детстве, уставившись в окно, светящееся огнями соседских домов. На первом этаже Бобби стучал когтями по паркету.

Он закрыл глаза, расслабляясь и отгоняя тревожные мысли о будущем. Но голова, отвыкшая от отдыха, не успокаивалась, заводским конвейером рождая одну мысль за другой. В памяти снова всплыли события того злосчастного первого дня.

С братом на плече он сбежал по ступенькам до первого этажа, не остановившись ни на секунду, чтобы отдохнуть. Спина ныла, руки затекли, но страх был сильнее усталости. В подъезде Михаил привалился боком к стене, чтобы Егор не упал с плеча, вытащил из кармана пистолет и сжал его в руке. Снаружи раздавались удары, брелок продолжал пищать, а к ноге жался скулящий Бобби. Михаил оторвался от стены, крепче сжав брата одной рукой, ткнул пальцем в кнопку на двери и вышел на улицу.

Какой-то мужик сидел на капоте, колотя ладонями по лобовому стеклу, словно хотел надавать пощёчин всему английскому автопрому в лице одной машины. На писк двери он повернул голову, прыгнул с автомобиля и с воем бросился в атаку на незваных гостей. Михаил остановился, поднял пистолет, прицеливаясь, и, когда до противника оставалось

пару метров, нажал на курок. Пистолет не выстрелил, мужик вытянул руки, надеясь ухватить Михаила за горло, тот попытался увернуться, но с братом на плече это было непросто. Он сделал шаг в сторону и тут же наступил на Бобби. Егор рухнул с плеча на асфальт, мужик споткнулся о него, на секунду взлетел и на полной скорости впечатался в закрывающиеся двери подъезда.

Михаил отпрыгнул в сторону и посмотрел на пистолет. Никогда ещё ему не приходилось пользоваться оружием, и, наверное, оно не было снято с предохранителя. Он дёрнул какую-то защёлку, надеясь, что именно она и является предохранителем, и снова прицелился в нападавшего. Тот уже вскочил на ноги, ладонью потёр ушибленный лоб и развернулся для второй атаки. Не дожидаясь, пока он опомнится, Михаил снова нажал на курок, пистолет дёрнулся в руке, огласив двор грохотом, сверху раздался женский вопль, завопили сигнализации припаркованных вокруг машин.

Мужик от звука замер на месте, ошалело осмотрелся и снова бросился вперёд, пуля прошла мимо. Михаил сжал пистолет обеими руками и выстрелил ещё два раза, и нападающий с криком упал ему под ноги. Он катался по асфальту, схватившись за простреленную ногу.

–Ууууууу, – он выл и плакал одновременно, сжимая рану окровавленными пальцами.

Михаил шагнул назад, не в силах отвести взгляд от этой картины. В мужике не было ничего человеческого, просто

раненый хищник, одержимый собственной болью.

– Добей его! – крикнул кто-то сверху, и Михаил, подняв голову, увидел жильца, высунувшегося в окно третьего этажа, – ну что ты на меня смотришь? Добей этого гада!

– Не трогай моего мужа! – завопила женщина из другого окна. – Отойди от него, мразь!

Михаил стоял, чувствуя себя гладиатором на арене, ждущим решения судьбы соперника. Все переругивались где-то наверху, и никто не спешил спуститься и помочь. Как за несколько часов все успели стать такими?

Он снова засунул пистолет в карман и под неодобрительные крики подхватил Егора и потащил его к машине, краем глаза заметив, что кто-то вдалеке бежит со стороны дороги, видимо, привлечённый шумом со двора. Он из последних сил затолкал брата на заднее сиденье, захлопнул дверь и поспешил за руль. Из-под машины раздавался жалобный скулёрж, Михаил на мгновение нагнулся, схватил Бобби за хвост и швырнул в салон собаку, которая по этому поводу решила издать предсмертный вопль. Через секунду кто-то прыгнул на капот, Михаил нажал на газ, вильнул в сторону, и фигура, перекатившись на бок, упала вниз.

Он снова летел, не разбирая дороги, и уворачиваясь от выскакивающих наперерез людей. Сзади Егор катался по салону, ударяя по пластику головой и коленями, собака с визгом цеплялась когтями за кожу сидений, одновременно пытаясь увернуться от тела своего хозяина. На магистрали по-

прежнему было пусто, они быстро проскочили её, и Михаил свернул к своему дому. На рёв машины выскочила пара человек, а он всё разгонялся и разгонялся, объезжая неизвестно откуда взявшийся на асфальте мусор.

Перед самым домом прямо на дорогу выскочила женщина, и Михаил узнал одну из соседок, с которой иногда здоровался из вежливости. За ней кто-то бежал, размахивая над головой куском трубы.

– Бобби! – раздался голос с заднего сиденья, и рука вцепилась в щёку Михаила. От испуга он нажал на тормоз, машина взвизгнула покрывками, отклонилась в сторону, ударила колесом о бордюр и, окончательно потеряв управление, снесла преследователя с трубой. Убегающая женщина даже не обернулась. Михаил глянул через плечо, Егор снова лежал на кресле, потеряв сознание от удара, снаружи на стекле расплывалось пятно крови. Он отпустил тормоз и поехал к своему дому прямо через газон. Машина накренилась и со скрипом ползла вперёд. Заднее колесо осталось лежать на дороге.

– Собрание у нас будет недолгим, – Михаил стоял перед группой программистов, которых сам отобрал для проекта, – я сейчас разошлю по вашим рабочим местам программу с описанием. Вы удивитесь тому, для чего она нужна, но прошу пока никому о ней не сообщать. Ваша задача – анализ её

работы. Если в ней есть какие-то скрытые возможности, если она может делать хоть что-то не указанное в описании – я хочу об этом знать. Просмотрите всё до последней буквы, на ближайшую неделю я освобождаю вас от любой другой работы. Так что по местам, ребята, и жду ваши отчёты.

Все разошлись без вопросов, они знали, как Михаил не любит долгие разговоры и вопросы до начала работы, признавая только действия и результаты. Почти весь день он в одиночку провозился с программой Исаева, и, кажется, она действительно могла сработать. Вот только Михаил не считал, что Виктор написал программу ради денег. Здесь было что-то другое, и обязательно нужно было узнать, что именно.

Вызов планировщика опять застал Михаила врасплох, хотя в этот раз он сам взломал сеть Института и добавил встречу в график директора. Исаев не врал, защита тут действительно была неплохая.

– Михаил Иванович, напоминаю, что через пять минут директор ждёт вас у себя в кабинете.

– Хорошо, – Михаил сам нажал отбой, решив удивить планировщика. Он дошёл до лифта и поднялся на самый верх. Директор, одетый в пальто, ждал его прямо в дверях.

– Миша, ничего не понимаю, я уже собрался уходить, а тут мне говорят, что у нас какая-то встреча с тобой, – он протянул Михаилу свою вялую руку и пропустил его внутрь, – напутали они что ли?

– Олег Евгеньевич, надо поговорить, – Михаил сделал всего пару шагов от двери и повернулся, – в ближайшие шесть дней нужен миллион долларов. Новыми, наличными. Деньги не должны быть нигде учтены, потому что отчитаться за них не получится.

– Так, Миш, что за просьбы? – директор удивился второй раз за пять минут. – Где я тебе достану столько денег, да ещё на таких условиях? Не получится.

– Послушайте, когда четыре года назад правительство организовало Институт мозга, вы сами нашли меня и предложили эту работу. Помните? А ещё – помните, что вы сказали мне тогда? Что для поиска способа лечения я могу просить что угодно.

– Ну не в буквальном же смысле! Я не думал, что ты...

– Олег Евгеньевич, если вы найдёте этот миллион, то, скорее всего, на следующей неделе мы сможем опробовать лечение. Это достаточный повод дать мне деньги?

– Ты шутишь? – для директора сегодня был день сюрпризов. Старый скряга больше всего на свете любил деньги, и Михаил уже сейчас видел в его глазах пламя разгорающейся страсти. Если он представит правительству лечение, денег у него будет бесконечно много, больные люди не слишком интересовали его. И этот сегодняшний миллион был мелочью для директора, но он никогда бы не расстался с ним без обещания ещё большей прибыли.

– Не шучу.

– А если ничего не выйдет? – спросил директор. – Если не сработает?

– Тогда просто не сработает. Но шансы очень хорошие.

– Ладно, Миша, – директор в задумчивости прошёлся по кабинету и остановился у двери. Наверное, уже делил в уме будущие миллиарды. – Я найду деньги, но если у тебя не получится, то ты будешь у меня бесплатно работать до конца жизни! И не только ты, а весь твой отдел.

Михаил протянул руку, и на этот раз директор крепко пожал её.

На разбитой остановке было пусто, Михаил хотел выйти наружу и прогуляться, но вспомнил, что за сиденьем стоит сумка с деньгами. Не хватало ещё потерять их из-за своей неосторожности. Он оглядывался по сторонам, надеясь увидеть приближающуюся фигуру Исаева. Он не сомневался, что тот опоздает. Этот тип просто даёт понять, кто кому нужнее в ситуации. Мол, захочешь конфетку, малыш, – подождёшь. Ничего страшного, гордость Михаила давно умерла, покинув этот мир в подвале его дома, где он провёл почти месяц со свихнувшимся братом и его собакой, пока полиция не освободила их. Вместо гордости у него осталось стремление к цели, и ему казалось, что это гораздо важнее любых других его чувств.

В окно постучали, и Михаил увидел Исаева, который в

сумерках подошёл незаметно и сейчас стоял у машины. Двери разблокировались, и Виктор скользнул в салон, такой же неприятно пахнувший, в той же грязной куртке. Вот она, так любимая всеми стабильность.

– Ну что? – спросил он, выжидательно глядя на Михаила.

– Мне нужна программа полностью, – сказал тот.

– А деньги?

– Сумка за твоим сиденьем.

Виктор повернулся и с трудом перетащил вперёд спортивную сумку, набитую купюрами. Он расстегнул её и вытащил наружу одну из пачек.

– Это что такое? – спросил он. – Я же говорил – на карту!

– За неделю? На неименную карту? Такую сумму? Ты понимаешь, что эту карту заблокируют через десять секунд, пока ты не объяснишь, откуда такие деньги и на что ты их собрался тратить? – Михаил врал. Если бы он надавил на директора, тот смог бы организовать даже спасение дьявола из ада, не то что карту с миллионом. Но он не хотел этого делать. Что бы ни задумал Исаев, эти деньги наверняка ему скоро понадобятся, с карты он сможет тратить их быстро и анонимно, а с наличными и его рожей, известной каждой собаке, времени ему понадобится очень много. Будет шанс разобраться, что именно он хочет сделать.

– Ааааа! – Виктор хлопнул руками по сумке, сунул пачку внутрь и застегнул молнию. – Как я с этим по улице пойду?

– Не знаю. Ты просил миллион – нате вам миллион. А мне

нужна программа.

– Знаешь, ты злой! – с перекошенным лицом Виктор смотрел на Михаила, – я мог пойти к кому угодно, но я специально пришёл к тебе, потому что слышал, какой ты хороший специалист и замечательный человек. А ты... Ты просто гад, упивающийся властью и моей беспомощностью!

– А ты добрый? – ухмыльнулся Михаил в ответ. – И просто делаешь мне одолжение, никаких собственных планов у тебя нет?

– Каких планов? Ну каких планов? Я бездомный! Все мои планы – не сдохнуть! – прокричал Виктор, но Михаилу показалось, что на мгновение он отвёл глаза.

– Ну с миллионом – то не сдохнешь. И кстати, насчёт того, почему ты пришёл ко мне. После тебя я второй человек на планете, кто немного разбирается в вашем оборудовании. Я четыре года только его и изучаю. К кому ты ещё мог пойти? Не рассказывай мне сказки. Давай программу.

Виктор сунул руку в карман, вытащил ещё одну флешку, швырнул её Михаилу и полез из машины. Он схватил с сиденья сумку, перекинул через плечо и со всей дури хлопнул дверью.

– И машина теперь тебе виновата, – сказал Михаил, вытаскивая закатившуюся под сиденье флешку, и нажал на кнопку, запуская двигатель.

Две недели директор вился вокруг Михаила, требуя продемонстрировать лечение. В такие моменты он напоминал Бобби, который с точно такой же мордой бегал по дому вокруг хозяина, когда хотел на улицу в туалет. Михаил отбивался, стараясь полностью разобраться в том, что собирается сделать, но директор всё усиливал давление, заставляя торопиться. Призрак будущих прибылей огромными шагами мерял кабинет директора.

За день до эксперимента Михаил съездил в магазин, купил собачьего корма, в очередной раз удивившись, что его до сих пор производят. Люди сошли с ума и без всяких устройств, если даже при нехватке рабочих рук продолжают думать о том, чем кормить собак. Тут нужно было лечить всю планету. Он доехал до дома, покормил Бобби и провёл ночь в своей постели. Воспоминания из прошлой жизни не тревожили его в этот вечер, будущее было куда волнительнее. Оставалось сделать лишь пару маленьких шагов до него.

– Миша, у меня для тебя сюрприз, – директор сиял в предвкушении удивления, но Михаил догадывался, что за сюрприз его ожидает, не догадаться мог бы только слабоумный. – Знаешь, кого мы нашли для первого эксперимента? – Он добежал до двери и распахнул её. – Давайте его сюда.

Двое санитаров втолкнули внутрь каталку, на которой лежал Егор. Нестриженный, с торчащей во все стороны боро-

дой, руки и ноги его были привязаны к поручням, а во рту торчала какая-то тряпка, не позволяющая кричать. Одет он был в один единственный подгузник, из-за чего выглядел сильно постаревшим младенцем.

– Извини за такой внешний вид, – директор развёл руками, делая вид, что он тут ни при чём, – но ты сам просил не давать пациенту успокоительных.

Михаил подошёл поближе и посмотрел на Егора. Он не видел его с того дня, как полиция разгребла завал и вытащила их троих из подвала. Он не мог заставить себя пойти навестить это тело, которое больше не было его братом, которое на третий день пришлось намертво примотать к трубам в подвале, потому что тело попыталось его убить. Он не хотел вспоминать этот кошмар с вонью от испражнений, с попытками кормить брата хоть чем-нибудь, с откушенным ухом у собаки, которая подошла слишком близко к хозяину. Но больше всего он не хотел вспоминать, как расстрелял соседа, который набросился на них, пока Михаил тащил Егора от машины к дому. Расстрелял и никогда не сожалел об этом. Именно тогда он осознал, что сам такое же животное, как и все психи, мечущиеся по улицам в поисках жертв.

Егор вращал головой и напрягал мышцы, стараясь вырваться. Ни капли узнавания не мелькнуло в его глазах, впрочем, Михаил и не надеялся на это.

– Приступим, – сказал он и дал знак санитарам, которые сделали укол со снотворным и прицепили гарнитуры за оба

уха Егора.

Он отошёл к компьютеру, включил соединение с сервером и начал поиск необходимого образа. Программа высветила найденный идентификатор, оставалось только лишь запустить процедуру. Что должно было произойти? Что задумал Исаев? Он так и не узнал. Но обязательно узнает. Он нажал на кнопку записи и посмотрел на директора.

– Часов на восемь процедура, – сказал он, – можно пока заняться чем–нибудь. Пусть планировщик вызовет нас ближе к окончанию, тут и без нас за всем проследят. И вытащите у него тряпку изо рта!

Директор недовольно поморщился. Кажется, он считал, что результат будет через пять минут. Странно для человека, который четыре года руководил Институтом и отлично знал, как медленно движутся любые исследования.

– Олег Евгеньевич, – Михаил окликнул директора, когда они вышли из лаборатории, – мне нужно кое–что вам рассказать. Программу для лечения мне продал Виктор Исаев.

Михаил посмотрел на вытянувшееся лицо своего начальника и чуть не засмеялся. Вот как надо готовить сюрпризы, старый ты дурень! Брата он привёз, чуть не лопнул от гордости!

– Что?! – казалось, что директор сейчас начнёт топтать ногами, его красная рожа светилась в полумраке коридора. – Ты уволен!

– Ну конечно, я уволен, вы справитесь и без меня. А что

вы будете делать после того, как выяснится, что лечение существует, но вы против него? Сколько времени потребуется правительству, чтобы найти меня и вернуть обратно, а вас прогнать? Лечение важнее того, кто именно его придумал. Подождите, дайте договорить, – Михаил поднял руки, останавливая директора, – я предлагаю решение. Если бы я был во всём уверен, то никогда не сказал бы вам про Исаева. Но я боюсь того, что он может сделать. Если со мной что-то случится, то все результаты работ с описаниями лежат на одном из моих компьютеров, на том, который не подключен к сети. Всё зашифровано, но ребята из моего отдела смогут разобраться. Последние три недели мы изучали программу Исаева, мы добавили в неё кое-что от себя, я надеюсь, это нам поможет, если что-то пойдёт не так.

– Ты же понимаешь, что ты мне говоришь? У всего этого будут последствия!

– Обязательно будут. Но пока давайте всех вылечим.

Директор прошипел что-то сквозь зубы и пошёл к лифту. Михаил посмотрел ему вслед, пожал плечами и вернулся к работе. Вечером планировщик вызвал его в лабораторию.

99%. Индикатор последний раз дёрнулся и экран высветил надпись о завершении процесса. Михаил кивнул санитарам, и они сделали Егору укол. Он мирно лежал на каталке, такой же странный бородатый младенец, как и с утра, только теперь от подгузников шёл слабый неприятный запах. Пару минут ничего не происходило, Михаил взял брата за плечо

и легонько потряс его.

– Мишка? – Егор резко открыл глаза, хотел вскочить, но ремни не дали ему пошевелиться. Он приподнял голову и со страхом осмотрел себя. – Что происходит? Почему вы меня привязали?

– Довольны? – Михаил повернулся к стоящему рядом директору, который почему-то не выглядел счастливым. – Можете уже рапортовать в комиссию, у нас получилось.

– Мишка, развяжи меня, ты что творишь? – недовольный Егор ещё раз подёргал ремни. – Совсем охренел?

– Ну что, Миша, твой выход, – директор показал рукой на зеркальное стекло, за которым Егор сидел в кресле. Он был помыт, выбрит и расчёсан, ему даже нашли какой-то халат вместо подгузника. – Давай, поговори с ним, вдруг он ненормальный до сих пор. А после тебя уже отправим его на тесты.

Михаил кивнул, вошёл внутрь и остановился перед братом, который смотрел на него снизу и молчал.

– Ну садись, чего стоишь? – спросил наконец Егор, и Михаил сел в соседнее кресло, поставив ноутбук на стол. – Расскажешь мне, как я тут оказался, и зачем вы меня привязали?

– Расскажу, но сначала ты. Сколько тебе лет? И какое сегодня число?

– Миш, а как меня зовут, ты не забыл? Что за дурацкие вопросы?

– Ну и всё же ответь.

– Тридцать шесть, – Егор поболтал голой ногой, торчащей из халата, – у тебя нету тапок каких-нибудь, а то пол холодный?

– Есть, но в кабинете, я принесу потом. Так какое число сегодня?

– Вчера было 26 июня, значит сегодня 27.

– Егор, тебе скоро исполнится 41 год, а сегодня 19 февраля.

– А я предупреждал, что однажды ты свихнёшься. Помнишь? Все эти сто тысяч раз? И вот этот день настал. Свихнулся ты, а привязали вы меня. Логично!

– К сожалению, всё наоборот, – сказал Михаил, – ты удивишься, как много всего пропустил.

И он рассказал о том, что случилось с миром и с ними обоими, опустив события в подвале его дома. Некоторое вещи стоит оставлять при себе.

– Вот, – Михаил повернул ноутбук и открыл крышку, – сам посмотри, как сейчас выглядят города и как мы живём. Почитай про больных, а потом я устрою тебе экскурсию наружу.

– Подожди, – Егор даже не посмотрел на экран, – ты хочешь сказать, что я больше четырёх лет был не в себе? Я ведь помню, что встречался с тобой два дня назад. Для меня это

реально два дня назад!

– Ну и что не так? – спросил Михаил, вставая.

– Для тебя это не два дня. Получается, что ты не встречал меня четыре года. И ты просто смотрел, как я лежу, привязанный к этой чёртовой кровати, и разговаривал с каким-то дедом! Он для тебя был важнее! А потом ты зашёл в эту комнату и начал разговор с вопросов! Никаких эмоций, словно мы вчера расстались, словно тебе наплевать. Где хоть какие-то чувства? Миш, ты кто?

– Я принесу тебе тапки, – Михаил повернулся и вышел из комнаты, уловив ухмылку стоящего у стекла директора.

Он остановился в коридоре, прислонившись к стенке, и долго стоял, успокаиваясь. Чувств было много, но он не хотел показывать их Егору, потому что боялся. Но и его брат никогда бы не завёл разговоров о том, что кто-то не обнял его после разлуки или не прослезился, не тем он был человеком. Так что на его последний вопрос Михаил мог бы невежливо ответить точно таким же вопросом – а кто ты, Егор?

Вечерний город Михаил чаще всего видел из окна своего кабинета, но та картинка никогда не менялась, хотя, надо отдать должное, выглядела она впечатляюще. Сияющие огни центра плавно переходили в слабое мерцание периферии, упирающейся в полную темноту Старого района. Особенно красиво всё это смотрелось на закате, когда вдали ещё было

можно различить ряды заброшенных зданий.

Но сегодня ночью он медленно ехал по городу на машине, разглядывая опустевшие улицы. Кажется, он наконец—то сделал всё, что было в его силах, и вот у него появился вечер для отдыха. Завтра будут новые задачи, а сегодняшний вечер создан для безделья. Он проехал через центр, свернул на шоссе к своему дому и открыл боковые окна и люк, впуская внутрь свежий августовский воздух. Его район уже спал, и только одинокий кот на заборе проследил взглядом проехавшую мимо машину.

Он ехал к дому, в котором уже четыре месяца жил вместе с братом с тех пор, как забрал его из Института. Мир медленно выздоравливал, почти десять миллионов удачных излечений за полгода. Директора каждый день показывали по телевизору, он говорил и говорил про то, как хорошо станет совсем скоро, когда все полмиллиарда больных вернуться к нормальной жизни.

Егор устроился на работу, он так же, как и раньше, строил дома, которые обязательно понадобятся для растущего населения. Михаил шесть месяцев наблюдал за ним, разговаривал и проверял. Брат помнил всё до момента, когда первый раз лёг спать с гарнитурой за ухом. Но кроме памяти было много другого, и с каждым днём Михаилу всё больше казалось, что Егор — совсем не тот человек, которого он знал почти всю жизнь.

Он остановился у двери и вышел наружу, двигатель за

спиной тихо вздохнул на прощание и умолк. Открыв дверь, он вошёл во двор и направился к дому. В будке тихонько скулил Бобби, видимо, его тоже мучили ночные кошмары. Михаил отомкнул замок, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить собаку, но Бобби всё равно проснулся, стрелой пронёсся к дому и через секунду уже обнюхивал диван в прихожей.

Михаил поднялся на второй этаж и, проходя мимо спальни Егора, остановился и осторожно приоткрыл дверь. Егор спал за столом перед экраном работающего ноутбука, который он купил, чтобы с утра до вечера смотреть смешные видео в сети. Михаила раздражала эта новая привычка брата, но он молчал, собирая информацию. Вот только сейчас на экране не крутились ролики про котят и голые задницы. Курсор мерцал в конце страницы, сплошь исписанной программным кодом.

Не закрывая дверь, Михаил тихо выскользнул в коридор, на цыпочках дошёл до своей комнаты и, вытащив из шкафа тот самый пистолет, вставил в него оставшуюся нетронутой запасную обойму. Он знал, что не чищенный и не смазанный пистолет может не выстрелить, но сейчас ему было не до этого, сейчас ему были нужны ответы, пусть он и в который раз уже обо всём догадался. Он нащупал в кармане брелок, с которым не расставался последние шесть месяцев, и пошёл обратно.

В комнате Егора он включил лампу, обошёл стол и сел напротив брата, поднявшего голову и жмурящегося от яркого

света.

– Рассказывай, кто ты, – Михаил навёл на Егора пистолет и отщёлкнул предохранитель.

– Миш, ты что, сдурел? – Егор сощурился и потёр глаза, – убери эту хреновину.

– Я не шучу, рассказывай! Посмотри на экран и скажи мне, кто ты и что ты делаешь?

– Да это я так, – Егор со страхом взглянул в ноутбук и закрыл крышку, – решил поинтересоваться, что ты в этом такого находил всю жизнь. Просто немного поизучал программирование, вот и всё.

– Я больше не буду спрашивать, ещё одна глупость – и я выстрелю!

– В брата? Мишка, ты выстрелишь в брата?

– Нет, судя по всему, я выстрелю в Виктора Исаева. Не так ли? – Михаил встал, схватив пистолет обеими руками. – Говори!

В коридоре застучали когти, и в дверь просунулась любопытная голова Бобби. Он осмотрелся, не увидел ничего интересного и поскакал по своим делам.

– Какого Исаева, ты что несёшь? – Егор тоже вскочил. – Это я, твой брат, ты от своей работы совсем разум потерял!

– Нет, ничего подобного. Ты – не мой брат. Да, ты скопировал его память и привычки, но не его личность. Вот личность ты добавил свою, прописав образ своего мозга прямо в программу. И потому твои память и привычки доминируют,

потому ты и не похож на моего брата! Что, не разобрался, как уместить две личности в одном мозгу? Боялся, что начнёшь сходить с ума? Виктор, ты дилетант с огромной самоуверенностью! Ты гений в программировании, но слишком плохо представляешь, как работает мозг! Ты мог бы принести миру столько пользы, но ты уже второй раз пытаешься всё испортить!

– Я ничего не собираюсь портить, – Егор медленно сел на место, – я просто хочу найти этих двух уродов, которые забрали все деньги и славу, а меня оставили виноватым.

– И для этого тебе понадобилось создавать полмиллиарда своих копий? Ради мести двоим людям? Чтобы просто найти тех, кто превратил твою идею в бизнес, платил тебе огромные деньги, а потом сбежал без предупреждения? Ну не надо мне рассказывать эту чушь!

– Не хочешь верить – не надо, но я не вру.

– Сомневаюсь, – Михаил тоже сел, положив пистолет на стол, – хочешь, поясню почему? Что будет после того, как ты их найдешь? Не с ними, а со всеми вами, копиями одного человека?

– Я верну всем их личности после этого.

– Какой именно ТЫ всё вернёшь? – Михаил усмехнулся. – Вот конкретно ты, мой псевдобрат? Или, может быть, настоящий Виктор Исаев? Или какой-то другой клон вернёт нам всё? Я не идиот, Виктор. Каждый из клонов – отдельная личность, пусть и скопированная. У каждого из вас есть

инстинкт самосохранения, он будет очень сильно сопротивляться сознательной смене личности, потому что для него это смерть. Ты не станешь никому ничего возвращать добровольно.

– Стану. Я не такой плохой человек, как ты думаешь.

– Ну тогда я открою тебе тайну. Создатели твоей компании давно мертвы, они сошли с ума вместе со всеми, были убиты и опознаны полицией. Просто эту информацию почему-то решили не разглашать. Но у меня есть их фото и результаты вскрытия, доказательств полно.

– Врёшь! Они были богаты, они не стали бы пользоваться гарнитурами!

– Богатые не бывают идиотами? Богатым всегда достаточно денег? Ты ведь тоже был богатым, и как это тебе помогло? Все доказательства имеются. Пойдём, я покажу их тебе, а потом у меня есть две гарнитуры, которыми мы с тобой воспользуемся, чтобы вернуть мне настоящего брата. Ну как тебе идея?

– Подожди, – сказал Виктор, поднимая руки, – чтобы вернуть тебе брата, мне нужно переписать программу, просто так ничего не выйдет. Нужно время.

– Нет, не нужно, – Михаил опять встал, подошёл к окну и открыл его, сегодня ему требовалось много свежего воздуха, – ты слишком сильно был уверен в себе, думал, что мы не разберёмся с твоей программой. Но мы написали свою собственную, так до конца и не выяснив, что делает твоя.

Но теперь—то я знаю, что она делает. Всем нашим отделом мы оказались умнее тебя. Последний месяц по миру работает только наш вариант, он возвращает людям их настоящие личности. Больше никаких твоих клонов. Ну так что, теперь вернёшь мне брата?

— У меня другое предложение, — Виктор перегнулся через стол и взял оставленный пистолет. — Но для начала вопрос, просто из любопытства — а что во мне не так? Как ты догадался, что я не твой брат?

— Много причин. Например, ты раньше слишком любил свою собаку, ты иногда таскал её с собой даже на работу, ты ко мне в гости с ней приезжал, — Михаил бесстрастно смотрел на оружие в руках Исаева, — а с тех пор, как вылезился, всего пару раз погладил его и всё.

— Да он же страшный! — Виктор рассмеялся и повертел в руках пистолет. — Весь в шрамах, без уха, да ещё эта дурацкая кличка — Бобби! Ну и имечко для собаки!

— Вот именно об этом я и говорю. От моего брата в тебе только память. Ты же помнишь, откуда взялись все его шрамы и его кличка. И для Егора это всё было ещё одним поводом любить собаку, а для тебя — это просто глупость и уродство. Ну а про его ухо ты не помнишь. Ты другой. И я подозреваю, что ты не напрасно взял оружие? Что ты хочешь сделать? Убить меня, а потом отомстить миру за то, что он ненавидел тебя?

— Что—то вроде того.

– Не получится, Виктор, – Михаил засунул руки в карманы, нащупал брелок и положил палец на кнопку, – думаешь, я не предусмотрел чего–то подобного? Ты не смог совместить в одном мозгу две личности, это очень сложно – сделать из двух людей одного. Я пока тоже не могу, но зато я смог кое–что другое. У тебя в голове записаны два образа – твой и Бобика. У всех клонов. Собачий образ прост, я легко добавил его к твоему. Знаешь, бывают больные люди, у которых несколько личностей, замещающих друг друга? Вот по сигналу Бобик временно может вытеснить тебя из мозга. Мы включим этот сигнал по телевидению и соберём вас всех для смены образа на новый, правильный. И настоящего тебя заодно найдём. Директору нашему, конечно, придётся уволиться, но ему давно пора на отдых.

– В любом случае, тебе это никак не поможет, – Исаев поднял пистолет и прицелился.

– Скажи: «Гав!», – Михаил посмотрел на удивлённое лицо напротив и нажал кнопку.

Брелок запищал, и оружие выпало из руки Виктора, а сам он рухнул на пол, где попробовал встать на четвереньки, но руки и ноги не слушались. Он попытался ползти, странно перебирая конечностями, но и это у него не вышло. Он барахтался на полу, задевая стол и стулья, пока наконец не успокоился. Он положил голову на паркет и тихонько заснул.

Михаил сходил к себе и принёс снотворное и две гарнитуры, прицепив их на уши Виктора–Егора. К утру настоящий

брат снова будет с ним, хотя он уже и не был уверен, хочет ли этого на самом деле. А вот всем остальным предстоит стать немножко лучше. В одном Исаев был прав, гарнитурами в большинстве пользовались бездельники, глупцы и неудачники. Михаил уже знал, как добавить им всем немного трудолюбия. Нужно всего лишь поменять несколько строчек в коде, и мир обязательно станет прекраснее.

Вбежавший на звук Бобби сел рядом с Егором и начал подвывать плачу своего хозяина.

Высшая справедливость

Пробка возникла совершенно некстати, хотя иным образом пробки никогда и не появляются. Но сейчас она была особенно неуместна. Артём очень торопился, опаздывать сегодня было очень плохой идеей. Он слишком долго колебался, решая, стоит ли ехать вообще, поэтому сел за руль в последнюю минуту, но даже сейчас какая-то часть сознания продолжала твердить, что эта поездка – плохая идея. За свою спокойную жизнь он слишком привык к мысли, что ничего плохого случится не может, но в этот раз всё могло быть иначе. Его ждали люди, которые придерживались иных взглядов, а он совершенно добровольно ехал на встречу с ними.

Разнервничавшись, он снял машину с автопилота и слабыми рывками медленно катился в потоке, вытягивая голову в попытках разглядеть, что творится впереди.

– Ну сколько ещё? – спросил он у системы навигации.

– Приблизительно 37 минут, – ответила та, – кажется, вы слишком напряжены. Может быть, массаж или успокаивающую музыку?

– Не надо, – отказался Артём. Всё, что ему сейчас требовалось – успеть в ближайшие полчаса. А этого навигация предлагать не собиралась. Нужно было что-то делать.

Он вывернул руль вправо и надавил на газ. Машина вылетела на заснеженную обочину и двинулась в объезд пробки.

– Езда по обочине: назначен штраф и минус один день, – произнёс в голове голос системы «Карма», и перед глазами на несколько секунд появился индикатор состояния.

– Да и чёрт с тобой! – сказал в ответ Артём, ещё сильнее нажимая на педаль. Электродвигатель резко рванул машину, заставив её вильнуть задом, не успевшая замёрзнуть грязь вместе со снегом полетела из-под колёс на сияющие бока соседних автомобилей.

– Опасное вождение: назначен штраф и минус два дня, – в голосе «Кармы» прямо так и слышалось плохо скрываемое злорадство, – загрязнение чужой собственности: минус два часа.

– Ну давай-давай, порадуйся! – Артём нёсся по обочине, уворачиваясь от редких дорожных знаков и ограждений. Из окон автомобилей на него смотрели удивлённые лица водителей, не привыкших к нарушениям правил.

– Продолжительная езда по обочине: назначен штраф и минус один день.

Систему «Карма» какие-то светлые умы ввели двадцать лет назад, и с тех пор она сильно портила всем нервы, даже несмотря на то, что изменила мир в лучшую сторону. Ну, по крайней мере, большинство считало, что именно эта сторона и является светлой. И теперь отказываться от неё никто не собирался.

В возрасте восемнадцати лет каждый житель планеты получал чип системы, который вживлялся в организм и за пол-

года разрастался, превращая тело в симбиоз из живых и искусственных тканей. Человек оказывался защищён от любых болезней и большинства несчастных случаев, а продолжительность жизни увеличивалась почти в четыре раза. Чтобы не решать проблему перенаселения, систему специально снабдили одним существенным недостатком, который и называли «Кармой».

Каждый новый пользователь получал защиту всего на 32 года жизни, но мог изменить этот срок своими поступками. Сделал что-то хорошее – получи прибавку, сделал зло – вот и минус, штраф или даже вызов полиции. При достижении нуля система отключалась навсегда, а вживание нового чипа было уже невозможно. Человек становился обычным смертным, снова учился болеть гриппом, бить молотком по пальцам и начинал стареть с обычной скоростью. Хочешь жить долго и счастливо – будь хорошим и законопослушным. Хотя, конечно же, находились и несогласные, которые добровольно отключались и жили по старинке, без помощи науки, словно какие-то пещерные люди.

Система вышек-трансляторов и спутников над планетой контролировала «Карму», ежесекундно проверяя и пересчитывая статусы пользователей. Если кто-то попадал в зону, где нет связи, его чип переходил в автономный режим, вычитая лишь прожитое время и записывая в себя данные о всех поступках. Оценивать их могла только система целиком, поэтому при восстановлении связи всегда происходил

пересчёт.

– Да, что такое? – спросил Артём в ответ на загоревшийся вызов.

– Ты где? – в голове зазвучал недовольный голос Леонида.

– Да еду я, еду, уже недалеко.

– Я понимаю, что ты едешь! Только нам через пятнадцать минут начинать надо. Все на месте, один ты до сих пор едешь!

– Ориентировочное время в пути – девять минут, – вклинилась в разговор система навигации.

– Да заткнись ты! – ругнулся на неё Артём и выскочил обратно на освободившееся шоссе.

– Давай быстрее, – сказал Леонид и оборвал связь.

– Да я и так быстрее, – уже в пустоту ответил Артём и ещё немного прибавил скорости, стараясь не выйти за ограничения. Серьёзно жертвовать своей кармой всё же не хотелось.

Сейчас ему было 36 лет, и он обладал 17 баллами кармы. Довольно средний результат, хотя некоторые и к такому возрасту умудрялись растратить всё до нуля, оправдывая существование полиции, тюрем и видеокамер в магазинах. Но были и обратные случаи, кто-то к сорока годам зарабатывал по 50 баллов, что гарантировало беспроблемную жизнь до 90 лет.

Рекордсменом в мире был ныне действующий президент страны, который в свои 43 года обладал 88 баллами. Его и выбрали-то лишь из-за такого результата, чтобы показать

остальным странам, насколько те отсталые, и какие злые люди ими управляют. Правда, быстро выяснилось, что при таком рейтинге президент боялся совершать какие-либо серьёзные действия, чтобы не подпортить себе карму. Но его всё равно любили, при всеобщем желании «творить добро» президент был скорее символом, вроде флага или гимна.

Артём свернул с шоссе под указателем, проехал последний километр и затормозил у ворот особняка. Со стен на него смотрела целая батарея камер, однако ворота не спешили открываться. Он посигналил, и через минуту наружу вышел охранник, который долго крутил в руках пропуск и вглядывался в фотографию, пока Артём мысленно матерился и желал, чтобы карму начали снижать за неторопливость и низкую скорость чтения.

Наконец охранник ушёл, створки ворот разъехались, и Артём рванул вперёд по расчищенной дорожке. Никогда раньше он не был в этом месте, поэтому боялся заблудиться, однако дорога вела в одном направлении, нигде не раздваиваясь. Вскоре из-за деревьев показались фонари, окружавшие большой трёхэтажный дом без окон. Один из самых загадочных домов в мире, и многие отдали бы всё, что угодно, лишь бы посмотреть, что скрывается внутри. Наверное, поэтому Артём всё же решил поехать, второго такого шанса могло и не подвернуться.

Он остановился на забитой парковке у особняка, выскочил из машины и бегом бросился к единственной маленькой

двери в стене, из которой уже торчала голова Леонида.

– Где тебя носит? – спросил тот.

– Да успокойся ты! Я же успел. – Артём остановился перевести дыхание, Леонид тут же за куртку втащил его внутрь и захлопнул дверь.

Они стояли в узком и коротком коридоре, упирающемся в толстую стальную дверь. Артём, раньше не видевший её, почему-то сразу же решил, что дверь толстая. Её внушительный внешний вид говорил об этом, ну и ещё твёрдая уверенность, что в этот дом взгляд системы «Карма» проникать не должен. По всей планете пока ещё хватало подобных домов, хозяева которых прятались от всевидящих спутников.

Этот особняк принадлежал Головину Валерию, одному из последних оплотов преступности в стране. Двадцать лет назад при включении системы «Карма» из-за своего возраста в 66 лет он получил всего один год защиты, как и любой пожилой житель планеты. Эта несправедливость разозлила Головина, и он постарался выбить себе дополнительные баллы. Но создатели системы не соврали, рассказывая о невозможности вмешательства в работу «Кармы». Ни деньги, ни связи ни одному человеку не помогли получить даже одного лишнего дня. Высшая справедливость была неподкупна.

Но Головин не сдался. Большую часть своего огромного состояния он потратил на благотворительность, получив от «Кармы» взамен 19 лет защиты и вызвав обсуждения этого поступка на всю страну. Преступник, потративший укра-

денное на инвалидов, детей-сирот и приюты для бездомных котов стал одним из главных символов нового времени. Все поверили, что мир отныне обрёл полную защиту от зла.

Но бандит разочаровал людей, закрывшись на подземных этажах своего огромного дома. «Карма» не могла заглянуть так глубоко, поэтому чип Головина просто отсчитывал дни, пока его хозяин продолжал творить зло из-под земли. Правда, зло в последние годы сильно обмельчало, никто не хотел даже брать взятки, баллы кармы ценились выше денег. Преступниками почти всегда становились только те, кто уже израсходовал всю свою карму. Вот ими-то и продолжал руководить Головин.

Леонид нажал кнопки на пульте, дверь медленно уехала в стену, и они вдвоём вошли внутрь, оказавшись перед следующей стальной дверью.

– У вас там место внутри осталось вообще? – спросил Артём, пока открывалась вторая дверь. – С такими предосторожностями тут должна была остаться только кладовка метр на метр в центре дома.

– Иначе нельзя, – Леонид толкнул Артёма в открывшийся проход, вышел и поспешил по открывшемуся коридору, – шагай побыстрее! Вокруг в лесу полиция понаставила вышек связи, пытаются пробиться в дом. На соседнем участке в подвале на глубине пять метров такой отличный приём, что центр города позавидует. У них там, наверное, каждый спит и видит, как с его помощью «Карма» достанет босса. Баллов

по десять сразу себе прикидывают за такое, шакалы.

Артём не стал комментировать это. Да, в последние полгода ему пришлось немного поработать на Головина, но это была просто работа, сочувствовать преступнику он не соби-рался. Ему хорошо платили, хотя он сам толком не понимал, что именно делает. Нашедший его Леонид предупредил, на кого предстоит поработать, назвал сумму и спросил, протя-гивая несколько листков бумаги:

– Можешь собрать описанное здесь устройство?

Артём полистал, почитал и немного удивился. Собрать он, скорее всего, мог, вот только понять назначение подобного прибора он не сумел.

– Могу попробовать, но, если эта работа отнимет у меня хоть час кармы, я сразу прекращаю, – предупредил он, вклю-чив проверку кармы собеседника. «Нет данных» – написа-ла система. Понятно, всё уже потрачено, преступники редко уходят в плюс.

– Не вопрос, – развёл руками Леонид, – как скажешь. У тебя в запасе месяцев пять, не больше. Успеешь?

И Артём успел. Предложенная сумма впечатляла, и поло-вину ему заплатили в первый же день. Он приступил к ра-боте, опасаясь, что в любой момент может получить преду-преждение о снижении кармы, но система молчала. Видимо, устройство не представляло из себя ничего криминального. Хотя и создатели атомной бомбы вряд ли осознавали, какое зло несут в мир. А может и осознавали, хрен их знает, этих

создателей. Мало ли что у них там было в башке.

Посреди коридора Леонид остановился около очередных дверей, схватил за воротник пробежавшего мимо Артёма, чтобы остановить его, и нажал кнопку на стене. Двери распахнулись, открывая кабину лифта. Они вошли, и Леонид ткнул в кнопку с надписью «-5».

– Ничего себе, у вас тут глубина! – Артём аж присвистнул, приглядевшись к кнопкам этажей, уходящим вниз от только что нажатой. Сейчас он понял, что его страх опоздать наконец прошёл и сменился страхом перед неизвестностью. Что именно от него хотят? Ведь ему ничего толком не объяснили, просто сказали, что требуется его присутствие на первом запуске собранного устройства. Артём никогда бы не полез в это дело, если бы не обещание ещё одной круглой суммы и приглашение в один из самых загадочных домов на Земле. Любопытство. Чёртово любопытство! Вот что было в башке у создателей атомной бомбы.

– Да, мы постарались, – Леонид улыбнулся и указал рукой на открывшиеся двери, приглашая выходить, – направо и до конца коридора.

В конце очередного узкого коридора, построенного, видимо, для того, чтобы в случае пожара вероятность сгореть была максимальной, Леонид открыл двери, впуская Артёма в большой круглый зал, набитый книжными шкафами. Это было неожиданно. Высокие потолки, яркие лампы и тысячи книг на полках шкафов, стоящих вдоль стен. Меньше всего

Артём ожидал от Головина любви к литературе, да ещё и в бумажном виде. Бандиты, по его мнению, должны были любить что-нибудь более приземлённое, даже если они богаты и знамениты.

В центре зала стоял странного вида механизм, окружённый сдвинутыми в стороны шкафами и несколькими переговаривающимися людьми, которые обернулись на звук открывшейся двери.

– Господа инженеры, это Артём, ещё один из вас, – Леонид подтолкнул спутника вперёд, – так что знакомьтесь пока, а я к боссу. Он скоро подойдёт, так что будьте готовы начинать.

– Ещё один из кого? – Артём с удивлением обернулся, но дверь за Леонидом уже захлопнулась, ключ повернулся в замке.

– Привет, ещё один непонимающий, – сказала кто-то из центра зала, – давай сюда, помогай разбираться.

Артём подошёл поближе к механизму и за руку поздоровался со всеми. Кроме него там оказалось семь человек. Никто не представился, словно каждому было за что-то стыдно.

– Что происходит-то, ребят? – спросил Артём у всей компании разом.

– Да кто бы знал? Вот пытаемся понять, – ему начали отвечать наперебой, – смотрим на это всё, находим свои части. Каждый свою деталь нашёл, теперь ты свою ищи. Ты ведь тоже что-то собирал?

Артёму даже не нужно было искать, собранное им устройство красовалось на самой верхушке машины. Вот только кто-то соединил его проводами с другими частями, поставил на каркас, подвёл электричество и подключил всё это хозяйство к компьютеру. Выходило, что все они по частям создали непонятный механизм, который кто-то собрал воедино.

– Это что за хрень? – спросил Артём у толпы. – Вы поняли что-нибудь?

– Пока нет, – сказал один инженер, самый пожилой из всех, – но думаем, что это что-то для взлома «Кармы». Особенно, если вспомнить, что в этом году у Головина должны закончиться баллы, то это точно построено, чтобы взломать «Карму».

– Да говорю же, нет! – вмешался другой. – Для взлома нужна связь со спутниками, а тут со связью глухо совсем.

– Ну так, может быть, он хочет только свой чип взломать? – не унимался первый.

– И случайно сжечь его? Ты сам бы стал так делать?

– Я – нет. Но если бы мне было под девяносто лет, а счётчик со дня на день обнулялся, я бы попробовал. Какая уже в таком возрасте разница, завтра чип сдохнет или сегодня?

Артём не волновался насчёт взлома «Кармы», это деяние было официально не запрещено. Создатели были настолько уверены в безопасности, что не предусмотрели никакого наказания за взлом своей системы. И за прошедшие двадцать лет попыток было предпринято немало, но «Карма» ни разу

не поддалась.

– А кто-нибудь из вас видел Головина вживую? – вопрос Артёма остановил разгорающийся спор, все повернули к нему головы. – Ну что вы так смотрите? Мне никто не сказал, что с ним придётся встретаться, а я лично видел его только на фотках. Какой он?

– Да никто его не видел, – снова сказал старший, пока Артём вызывал проверку кармы всех инженеров. Почти у всех отличные показатели, кроме пожилого, но это, скорее всего, из-за возраста. – Мы все такие же, как и ты. А он двадцать лет тут безвылазно просидел, никого сюда не пуская, кроме своих. Сейчас придёт, вот и посмотрим.

Звук открывающегося замка прервал разговор, и все разом обернулись к распахнувшейся двери. Первым в зал вошёл Леонид, за которым потянулась целая стая одинаково одетых людей, которые расходились от входа и становились вдоль стен на одинаковом расстоянии друг от друга. Видимо, это была охрана. Там, наверху, в обычной жизни, трудно было представить себе, что кто-то может нуждаться в таком количестве телохранителей. Здесь же, на глубине пятого подземного этажа Артём вообще не понимал, зачем нужны все эти люди. Неужели восемь хилых инженеров представляли в этом доме хоть какую-то угрозу для такого человека, как Головин?

Процессия завершилась двумя самыми крупными телохранителями, которые в ожидании остановились у двери,

внимательно разглядывая замершую на месте группку в центре зала.

– Можно, – наконец сказал один, выглянув в коридор и отворив шире дверь.

Артём в ожидании даже вытянул вверх голову, хотя и без того видел всё превосходно. В зал вошли двое – совсем молодой парень и крепкий мужчина, выглядящий максимум на 50 лет. В процессе своей работы Артём не раз находил в сети фотографии Головина, и на последних он выглядел пожилым человеком. Но сомнений не было, это точно был он, помолодевший и посвежевший за время заточения внутри своего склепа. Видимо, у Головина были и другие методы продления жизни кроме системы «Карма».

Головин остановился в стороне от инженеров, и тут же кто-то подставил ему кресло. Остановившемуся рядом парню кресла никто предлагать не стал. Его словно никто и не замечал, все глаза в зале были устремлены на другого человека.

Артём, много чего нафантазировавший себе за полгода, был немного разочарован. Головин выглядел абсолютно обычным человеком, совершенно не похожим на суперзлодея из кино. Никаких глубоко посаженных глаз, низкого лба и злобы во взгляде. Встретишь такого на улице – даже не заметишь. Старые синие джинсы, лёгкая рубашка, слегка растрёпанные волосы. Толпы подобных людей расхаживают сверху, ни от кого не скрываясь. Одна из самых страшных

черт хищника-человека – не выглядеть угрожающим.

– Итак, начнём, – Леонид приложил ладонь к компьютеру, подключаясь, и повернулся к инженерам, – ваша задача – ничего не делать. Ближайшие полчаса спокойно наблюдайте, в случае каких-либо проблем я попрошу вашей помощи. После завершения я провожу всех вас до ваших автомобилей. Всё ясно?

– Подождите! Так не пойдёт, – вперёд вышел самый старший, – я хочу знать, что здесь происходит. Если это что-то противозаконное, и я участвую в этом добровольно, то наверху я получу огромный минус. Мне этого совсем не нужно.

– И что вы сделаете, если я ничего не расскажу? – ухмыльнулся Леонид, и впервые за всё время Артём увидел в нём преступника. Целых полгода он общался с этим человеком, который всегда был тих, скромен и вежлив. Но сейчас скрывавшийся хищник был на своей территории. Пожилой инженер, не ожидавший такого ответа, не нашёлся, что сказать, он стоял и смотрел на Леонида расширившимися глазами. Все они только сейчас поняли, кто именно пригласил их сюда.

– Лёня, – раздался вдруг голос из кресла, и все дружно перевели взгляд на Головина, – ну зачем ты так? Расскажи им, пусть знают.

– Ладно, – Леонид отвёл взгляд от испуганного инженера, – как скажете. Мы разработали способ передачи баллов кармы от одного человека другому, с вашей помощью построили этот аппарат и сейчас пробуем передать часть

баллов от этого молодого человека, – он, не оборачиваясь, махнул рукой в сторону стоящего рядом с Головиным парня – Теперь можем начинать?

– Это же невозможно, – снова вылез старший, но теперь его голос заметно дрожал.

– Ну, значит, просто стой на месте и не переживай, через полчаса поедешь домой к жене.

– А этот молодой человек, – не унимался старший, хотя явно было видно, что он боится, – он добровольно участвует в этом всё? Вы его не заставляете силой?

– Денис, скажи нам пожалуйста, ты доброволец? – обернулся к парню Леонид.

– Да, – сказал тот, кивая головой.

Артём посмотрел на него с удивлением. Решиться отдать кому-то часть своей кармы – это был смелый поступок. Для такого дела обязательно нужен кто-то молодой, не понимающий, что именно он решил продать. Если всё получится, то через пять лет он будет готов вернуть все полученные деньги, но их никто не возьмёт обратно. Впрочем, Артём не верил в удачный исход всего этого эксперимента. Если за двадцать лет никто на планете не сумел взломать «Карму», то этой кучке бандитов это тем более не по плечу.

Он включил отображение кармы и ещё раз осмотрелся. Все телохранители, как один, были с отключенными чипами, доброволец обладал 34 баллами, а рядом с Головиным светился ноль, но сколько именно дней есть у него в запасе,

система не показывала.

– Ну что, ещё будут вопросы? – Леонид внимательно посмотрел на старшего, но тот промолчал. – Тогда начинаем. Постарайтесь быстро не двигаться, и это всех касается!

Он повернулся к механизму в центре зала, снова коснулся компьютера рукой для подключения и перед ним возник экран графического интерфейса. Артём сначала удивился, но потом вспомнил, что у Леонида больше нет чипа. «Карма» давала доступ к любому виду связи и к интерфейсу компьютеров прямо через мозг, но после отключения от неё приходилось пользоваться техникой вручную. Это было очень неудобно, но Леонид, похоже, привык. Он быстро выбирал какие-то пункты, перелистывал и даже что-то дописывал.

Время шло, но ничего не происходило, тихо жужжал непонятный механизм, Леонид продолжал что-то нажимать, делая это быстрее и быстрее, пока не начало казаться, что он сильно нервничает. Уставший стоять Артём огляделся в поисках стула, но возможность сидеть для него не предусмотрена. Он тихонько отошёл к ближайшему книжному шкафу и прислонился к нему под неодобрительный взгляд одного из охранников.

– Лёня, Лёня, что-то не так, – Головин вдруг встал с кресла и, слегка покачиваясь, двинулся к Леониду, – ты меня слышишь?

Леонид словно очнулся, он испуганно глянул на босса и тут же вернулся к компьютеру.

– Не могу отрываться, – почти крикнул он, – что-то с сигналом, он постоянно пытается отключиться от твоего чипа. Дай мне пять минут!

– Лёня, мне плохо, выключай! – Головин ухватил Леонида за плечо, охранники сорвались со своих мест и бросились к боссу, вытаскивая оружие, словно оно могло чем-то помочь в этой ситуации.

Испуганный Артём, забывший выключить отображение кармы, вдруг увидел рядом с фигурой Головина надпись: «-2». Ни о чём подобном ему не приходилось даже слышать, при полном обнулении кармы чип сразу же отключался, получить отрицательный балл было попросту невозможно.

Леонид покачнулся под весом Головина и сделал два шага в сторону, пытаясь не упасть. На экране тут же замигала какая-то красная строчка.

– Да помогите же вы! – Леонид обхватил руками падающее на пол тело, сунул его подбежавшей охране и бросился к экрану, на котором горели уже три красные строчки. Он с бешеной скоростью нажимал кнопки, механизм поворачивался в разные стороны, но красные надписи продолжали множиться, пока не сменились одной мигающей кнопкой.

– Воды дайте, есть вода? – кричал кто-то из толпы охранников. Головина посадили в кресло и пытались привести в чувство. В руках вмиг появилась бутылка, из которой обильно плеснули боссу в лицо, он застонал.

– Что случилось? – спросил он, с трудом ворочая языком.

Леонид от злости отшвырнул экран и бросился сквозь толпу телохранителей, которые расступились, и на миг между их спин Артём увидел лицо Головина. Теперь это было лицо древнего старика, сейчас он выглядел гораздо старше своих 86 лет. Отрицательная карма работала против своего хозяина. Вместо передачи баллов преступники изобрели новый способ убийства, но сами же оказались не готовы к этому.

Воспользовавшись тем, что за ним никто не наблюдает, Артём потихоньку отошёл за шкаф и оттуда наблюдал за толпой, волнующейся вокруг кресла. Внутри тихо переговаривались так, что слов было не разобрать. Но вдруг кто-то громко крикнул, и из толпы выскочил Леонид.

– Кто это сделал? – он пошёл к группке инженеров, которые от страха сбились в кучу. Артём попытался ещё сильнее вжаться в шкаф, выглядывая наружу лишь краем глаза. – Я спрашиваю – КТО? ЭТО? СДЕЛАЛ?

Никто не ответил, Леонид выхватил пистолет из рук телохранителя и приставил его ко лбу первого попавшегося инженера, от которого тут же шарахнулись все остальные.

– Ты? Это ты? – орал он.

– Нет, – инженер трясся и отступал, – н-н-нет!

Леонид нажал на курок, грохот выстрела прервал скулëж напуганного человека, который рухнул на пол. Все закричали, Артём чуть было сам не крикнул от страха.

– Ты? – Леонид за куртку выдернул следующего. – Твоя работа?

– Не стреляй, не стреляй, – тот попытался закрыться руками, – меня заставили! Если убьёшь меня, взорвётся бомба! Там вмонтирована бо...

Грохнул ещё один выстрел, и второй труп упал рядом с первым. Леонид развернулся к оставшимся, навёл на них оружие, и в этот момент установка взорвалась. Шкаф сорвался с места, увлекая Артёма за собой, долетел до стены и рухнул, рассыпая вокруг книги. Что-то ударилось в стену, вокруг сыпалась какая-то пыль, а потом всё стихло.

Артём, на несколько минут потерявший сознание, нашёл себя валяющимся под грудой книг. Почему-то стало интересно, что же такое читает главный преступник страны. Он разгрёб руками завал, высунул наружу голову и схватил один из томов, чтобы прочесть название. Книга оказалась на удивление лёгкой, и Артём понял, что это всего лишь муляж, который используют как реквизит на съёмках. Он взял ещё несколько штук, но они все оказались такими же.

Ползком он выбрался из-под шкафа, раскидывая пластиковые коробки, встал и осмотрелся. На месте машины был лишь обгоревший и искорёженный остов, с другой стороны зала пылали псевдокниги. По всему полу лежали тела, несколько раненых пытались ползти. Артём равнодушно прошёлся, переступая через загромождения предметов и оставляя на полу кровавые следы от своих подошв. Всё это было где-то не здесь, это всё было с кем-то другим, ни с одним человеком в этом мире не случается такого. Нужно бы-

ло просто выйти наружу, сесть в машину и ехать отдыхать, чтобы завтра пойти на работу, заплатить часть кредита, погулять с собакой. А это вот всё – это неправда.

Он дошёл до выхода, игнорируя крики, дёрнул за ручку и вышел в коридор. Он брёл в сторону лифта, толкая каждую попадающуюся на пути дверь, но все они были заперты. Наконец ткнул пальцем в кнопку вызова, заметив, что рукава куртки порваны. Двери разъехались, и перед Артёмом возникли несколько полицейских с оружием в руках.

– Ты кто такой? – спросил один из них и рывком втянул Артёма внутрь, но тот молчал, не зная, что сказать. – Ладно, я с этим наверх, а вы проверяйте.

Все выскочили из кабины, кроме них двоих. Пока лифт ехал вверх, полицейский задавал какие-то вопросы, но Артём никак не мог прийти в себя, поэтому отвечал что-то невпопад. Они вышли на первом этаже, но это был совсем другой первый этаж. Вместо узкого коридора теперь был широкий проход с развороченными стенами, словно сквозь дом пронёсся грузовик. Они шли мимо каких-то лабораторий с вывороченными стенами, всё вокруг было завалено разбитым оборудованием. Вместо стальных дверей на входе в дом была просто огромная дыра, засыпанная битым кирпичом и кусками металла.

Полицейский вытолкнул Артёма наружу, где обнаружился стоящий перед входом танк. Они прошли мимо него и обогнули стоянку, на которой валялись разбитые машины.

«Карма» очнулась, засыпав Артёма кучей сообщений, но он не читал, ему было всё равно.

– Товарищ генерал, вот нашли одного, – полицейский остановился у открытых дверей микроавтобуса, из которых тут же вышел человек в штатском.

– Артём Александрович? – спросил он, присмотревшись. – Что там у вас случилось? Мы зафиксировали взрыв под землёй.

– Это вы всё организовали? – на морозе Артём начал немного приходить в себя.

– Да неважно, что произошло?

– Вы с самого начала знали, что строит Головин? Вы вмонтировали туда бомбу? Вы никого из нас не предупредили. Вы просто убили всех!

– Да не горячитесь вы так, – генерал успокаивающе положил руку на плечо Артёма, – всё вышло совершенно случайно. Кстати, что у вас с кармой? До вашей они успели добраться?

– В каком смысле, до моей? Моя им не нужна была, – и тут он вдруг понял, что все они были в одной комнате, и никто не мешал Леониду воспользоваться кармой каждого из них, – вы хотите сказать, что пустили нас всех туда, зная это?

Он закричал, но генерал молча стоял с открытым ртом, глядя на Артёма огромными глазами, словно увидел инопланетянина. Артём замолчал и смущённо осмотрел себя, всё было в порядке, не считая порванной одежды.

– Ты карму видел свою? – спросил его генерал.

Артём включил оповещения и взглянул на цифры. «233 балла» – написала система. Аппарат всё-таки сработал, передав баллы не по назначению. Сегодня все умерли ради Артёма. Он размахнулся и изо всей силы заехал генералу по удивлённой роже. Стоящий сзади полицейский сбил Артёма с ног, и он рухнул лицом в грязный снег.

– Нападение на представителя власти, – отозвался в голове голос «Кармы», – назначен штраф и минус один год.

Артём с криком бился в снегу, безуспешно пытаясь выбраться из-под опытного полицейского, прижимающего коленом самого необычного человека на планете.

Телохранитель курильщика

Жена высадила Андрея у ресторана в половине десятого, ровно через час после официального начала праздника. Андрей считал, что не стоит приходить на вечеринки вовремя, это правило всегда спасает от неловких разговоров с трезвыми и пунктуальными людьми.

– Заедешь за мной? – спросил он, выходя из машины.

– Да вы же засидитесь допоздна, – сказала жена, – а мне потом через весь город ночью ехать. Вызови такси.

Андрей не любил такси. Эта фобия осталась в нём со времён безденежья, и он пока не успел побороть её. Вместо этого он купил в кредит какой-то большой джип, чтобы жена могла возить его на работу и обратно. Прав у Андрея никогда не было, потому что ещё одним его страхом была возможность попасть в аварию, а на жену этот страх почему-то не распространялся. Пусть сама боится.

– Ладно, вызову такси, – великодушно согласился он и хлопнул дверь. Он знал, что если скажет приехать, то жена приедет и в три часа ночи в любое место. В последний год она стала прислушиваться к его мнению после шести лет глухоты. Как только Андрей начал хорошо зарабатывать, многие заинтересовались его мнением. Иногда стоило это поощрять.

У входа в ресторан курила шумная компания, праздник был в разгаре.

– Опоздавший! – заорал какой-то незнакомец, стоило Андрею войти внутрь. – Штрафную ему!

Музыку приглушили, стянули с Андрея пальто, кто-то сунул в руку бокал для шампанского и от души плеснул в него водки, не обращая внимания на его протесты.

– За коллектив! – крикнули из толпы, и все принялись чокаться.

Андрей тянул свой бокал сквозь чашу чужих рук, взглядом выискивая знакомые лица. Он сделал глоток и попытался поставить бокал на стол, но ему не дали этого сделать, заставляя выпить всё, что было налито. Андрей с трудом проглотил водку, из глаз брызнули слёзы. Он с шумом вдохнул и вцепился зубами в бутерброд, который предусмотрительно сунули ему в руки.

Пока он жевал и вытирал глаза, толпа потихоньку разбрелась по уже сложившимся за вечер группкам, оставив Андрея в одиночестве. Видимо, в этот раз он перестарался с опозданием. Раньше этот факт смутил бы его, заставив забиться в дальний угол с телефоном, но от застенчивости Андрей излечиться уже успел, да и штрафная потихоньку проникла в кровь. Он потолкался между людьми, прислушиваясь и пытаясь определить, к какой из групп хотел бы присоединиться.

– Согласитесь, эта куртуазность средневекового общества, несмотря на всю отсталость того времени, – вещал слушателям молодой парень, размахивая бокалом, – есть в ней что-

то...

Понятно. Снобы. Скучные, даже когда напьются. Андрей протиснулся дальше, обойдя танцпол. Туда его пока не тянуло, для танцев нужна была ещё пара штрафных.

– Я и говорю ему – ну как у тебя выходит такой расход, если двигатель меньше, чем у бензопилы? – в следующей группке собрались автомобилисты. – У меня машина в два раза больше, а...

Андрей прошёл и мимо этих. Зануды. Он не особо разбирался в машинах, и уж тем более не знал, сколько и чего заливает в бак жена.

– Андрюха! – кто-то ухватил его за плечо, развернул и обнял. – Привет!

Перед Андреем стоял знакомый, с которым он как-то раз пересекался по работе, какой-то мелкий начальник в администрации. На чужой корпоратив его пригласили, видимо, за особые заслуги перед компанией. Андрей попытался вспомнить его имя. Кажется, Олег.

– Пойдём отсюда, покурим, есть разговор! – он подмигнул Андрею, схватил его за рукав и потащил за собой к столу. Там он утащил бутылку водки, две рюмки и тарелку с мясом. – Давай на балкон.

Они поднялись на второй этаж, открыли дверь балкона и вышли, за ними потянулся какой-то незнакомый тип с недовольным лицом.

– А тебе что здесь надо? – спросил Андрей. На разговорах

с администрацией лишние уши совсем ни к чему.

– Андрюха, он со мной, – Олег за плечо втащил незнакомца на балкон, и начал разливать водку.

– В каком смысле, с тобой?

– Это мой телохранитель курильщика, я сегодня много курю, – Олег протянул полный бокал Андрею и посмотрел на мужика, – ты будешь с нами? Ну так рюмку себе принеси.

– Какой ещё телохранитель? Тебя что, убить пытаются? – Андрей был очень удивлён. Он только что понял, чего ему не достаёт в жизни. В его новом статусе очень не хватало ауры опасности. Причём, желательно, без самой опасности.

– Да нет, это телохранитель курильщика, услуга такая, типа трезвого водителя. Все наши давно пользуются. А ты что, не в курсе?

Андрей отрицательно помотал головой, вернувшийся телохранитель протянул рюмку, и Олег налил в неё водки.

– Ну давай, за встречу! – сказал он, и они втроём выпили. Олег вытащил пачку сигарет, предложил Андрею и повернулся к телохранителю, – у тебя визитки вашей нету? – он поднёс зажигалку к сигарете Андрея, а потом закурил сам. – Короче, есть небольшое дело. – Он посмотрел на телохранителя. – Отойди пока вон туда, в уголок, я тебя позову.

Они полчаса обсуждали дело Олега, которое сулило возможность раньше времени отдать кредит за джип, пока окончательно не замёрзли, несмотря на то, что выпили ещё пару раз. Телохранитель мрачно стоял в стороне, дрожал, осуж-

дающе смотрел на них и молчал. Андрею сначала даже было немного стыдно, но потом он вспомнил себя несколько лет назад. Такой же лишний на любых праздниках. Пусть теперь другие отдуваются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.